Литра

Александр Киселёв

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Не пугайтесь! ради бога, не пугайтесь!» — как поётся в известной опере. Автор предлагает нам не что иное, как учебник русской литературы, но не такой, как в школе, а совершенно альтернативный. Если вы считаете, что человеку очень даже не вредно знать историю отечественной словесности, то из этого учебника вы узнаете, за что мы ценим и любим наших классиков. (А вот и нет, — не за то, о чём вы подумали.) Если же у вас по лит-ре и так уже отличные оценки, то вы по достоинству оцените авторский юмор, иронию и даже, не побоюсь этого слова, сарказм.

«…Книжка в самом деле получилась странная. Дело в том, что, конечно, она не для 12 лет. И задумана не как изложение истории литературы, а как дополнительное чтение в 9-10 классах, чтобы сделать «учебный материал» веселее, интереснее, доступнее и… задать новые вопросы. Понятно, что между 9 и 10 классами — целая эпоха в жизни человека. И литература в 9 и 10 классах — разная. И писать пришлось по-разному».

Подходит читателям 12 лет.

- Александр Киселёв
  - О пользе лени
  - Литра по понятиям
  - Вавилон наоборот
  - SMS на бересте
  - PR по-древнерусски
  - Путешествие в сказку
  - Сочинение на тему «Человек, на которого хочется быть похожим»
  - Бестселлер протопопа
  - Кривой ответ на прямо поставленный вопрос
  - Не срослось: литература XVII века
  - Русская литература XVIII века: поэт и гражданин
  - «Довольно. С плеч долой обуза. Я классицизму отдал честь» (А.С.Пушкин)
  - Русская литература первой половины XIX века
    - «Милый гость романтизм» (А. Бестужев) говорит по-русски
    - А умище, умище-то куда девать? Александр Грибоедов. Горе от ума
    - Национальный проект «Пушкин» и концепт «Onegin»
    - Лермонтов и Лермонтов

- Лермонтов — демон!
- Лермонтов — ангел!
- Гоголь, или Редкая птица долетит до середины «Мертвых душ»

○ Русская литература второй половины XIX века, или Роман по-русски
-
- Кто знает людей, тот любит собак. Тургенев
- Одно «О» из трех. Гончаров
- Спасите мир от спасателей мира! Достоевский
- Россия — родина слонов. Лев Толстой
- И еще из школьной программы
- Тихий бунтарь. Антон Чехов

○ «Звонок не для вас, а для учителя!»
○ Какие важные исторические события отразила русская литература

Александр Киселёв
Литра

О пользе лени

Чтобы не трудиться и не напрягаться, человек готов на любые подвиги, изобретения и открытия.

Благодаря лени было изобретено сокращение. Может быть — м.б., так как — т. к., рубль — руб., деньги — $, Российская Федерация — РФ, Президент — ВВП, и т. д., и т. п., и проч. Как только в школе появился учебный предмет «литература», его сократили до «литры». Сначала только писали в дневниках: «литра». А потом и говорить стали: «Опять по литре стих задали!» Поэтому выпускники школы знают не литературу, а «литру»: романы «ЕО», «В&М», «П&Н», «М&М», стихотворения «Я пом. чуд. мгн.», «Однажды в студзимпор» и т. д. и т. п. и проч.

Самое неприятное в предмете «литра», что приходится читать не только учебники, но еще и эти самые романы, рассказы и стихи, про которые написаны учебники. Ну, как бы читать. Это несправедливо. Если на математике задача про бассейн и воду, никто не заставляет копать пруд и укладывать трубы.

Еще хуже, что на литре дают задания типа «Подумайте и скажите (напишите)…». Это вообще засада. Нигде думать не требуют, только на литре. Несправедливо. Нет, чтобы как на других предметах: выучил, рассказал, забыл. Еще и думай! На всю литру думалки не хватит.

Здесь я вам не помощник.

Но могу помочь представить литературу в целом. Не всю, а так называемую «классическую» литературу (примерно до 11 класса). Тогда те произведения, которые вам уже пришлось или придется читать, будут понятнее и живее.

Будучи теплым (горячим — лениво) сторонником лени и фаном литры, автор предлагает такой почти учебник. Или больше, чем учебник. Или вообще не учебник.

Литра по понятиям

Когда-то человек произнес первое слово. Так появилась устная речь.

Но человек очень скоро понял: «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

— Помнишь, — сказал один человек другому человеку, — я тебе рыбу принес? А ты мне обещал каменный топор сделать. Гони давай.

— Обещал? — задумчиво ответил другой человек одному человеку. — Не помню, брат. Полная, понимаешь, амнезия.

И остался один человек без рыбы, топора и веры в человечество.

И тогда он понял еще одну мудрость: «Что написано пером — то не вырубишь топором». Даже каменным. И стал думать, как сохранить устную речь на долгое время, чтобы люди жили по понятиям.

Поэтому начало литературы определить нетрудно. Ведь слово «литература» происходит от латинского «litera» — буква. Литература появляется тогда, когда появляется письменность. В широком смысле литература — это все письменные тексты. Литература может быть юридической, научной, религиозной, художественной. Книги, журналы, газеты, тексты в Интернете — все это литература. Школьные сочинения, SMS-сообщения, переписка в сети и даже справка от врача — тоже литература, тоже письменные тексты, состоящие из букв. Неважно, высекаем мы их на камне, выдавливаем на глине, выцарапываем на бересте, пишем гусиным пером, ручкой или набираем на клавиатуре. Каждый из нас, как только напишет первую в жизни букву, становится писателем, и каждый по-своему создает литературу в широком смысле слова.

Но обычно под «литературой» мы понимаем только художественную литературу: романы, рассказы, стихи. Именно ее мы изучаем в школе. Это особый вид литературы. Художественная литература является художеством в хорошем смысле, то есть искусством. Художественные письменные тексты, как и другие, тоже несут информацию. Но это особая информация — образная. В отличие от литературы специальной, например научной, эта информация общедоступна и общеинтересна. Мало кому придет в голову почитать для развлечения статью по квантовой механике или журнал «Вестник свиноводства». А чтение художественной литературы представляет собой особый род удовольствия, которое может доставить только искусство. Правда, не всем оно

доступно и не все это понимают. Поэтому так много среди нас бедных людей. Ведь бедность бывает и душевной. А литература обогащает человека. Она обогащает человека не только знаниями, а прежде всего — высокими чувствами сострадания, милосердия, юмора, иронии, красоты… И — воображением. Читая, мы представляем себе рассказчика, героев, обстановку, пейзажи, предметы. Мы словно снимаем у себя в голове фильм, в котором выступаем и режиссером, и актером, и художником, и мало ли кем еще, а не просто читателем. Набор букв мы силой воображения превращаем в живые картины, причем гораздо успешнее, чем самый мощный компьютер и 3D-технологии. Поэтому художественная литература так много значит в жизни человека и человечества.

«Просто» читать художественную литературу нельзя. Хотя она общедоступна, но, как и всякое искусство, требует понимания. А понимание начинается со знания. Эти знания дает нам литературоведение — наука о литературе, которая состоит из истории литературы и теории литературы.

История литературы изучает литературный процесс, то есть как появилась и как развивалась литература, какие писатели ее создавали. А теория литературы пытается понять, что же такое художественная литература, чем она отличается от других искусств, старается осмыслить законы, по которым создаются художественные произведения.

История литературы, конечно, тесно связана с общей историей человечества, а история каждой национальной литературы (английской, немецкой, русской, японской и т. д.) — с историей народа, страны. Русская литература тесно переплелась с историей русского народа и российской нации, с историей русского языка и национального характера.

Вавилон наоборот

Возможно, вы слышали такое выражение — «вавилонское столпотворение». Оно взято из Библии. Легенда рассказывает, что в глубокой древности люди говорили на одном языке. Жили они хорошо, не бедствовали, но неизвестно с какого перепугу вдруг решили построить башню до небес. Что им было нужно на небесах, история умалчивает, но они рьяно взялись за работу. Гастарбайтеров не было, прорабы говорили с рабочими на одном языке, все друг друга понимали, и башня быстро росла вверх. Господь в последний момент почувствовал, что снизу что-то подпирает, и принял меры. Он заставил жителей Вавилона говорить на разных языках. И строители перестали понимать друг друга. Даже самые обычные слова, без которых на стройке нельзя: «Ты, пип, куда, пип, эту пип ставишь на пип! Разворачивай, пип!» Короче, дело не пошло, рабочие разбежались, башня развалилась.

С русской литературой все наоборот. Многие народы, говорившие на разных языках, слились в одну нацию, создали единый русский язык — и русскую литературу.

Что такое русская литература? Ответ, казалось бы, прост: русская литература — это все произведения, написанные в России на русском языке русскими писателями.

Но простой ответ — не всегда правильный. На самом деле пространство русской культуры (а литература — ее часть) шире государственных границ и национальной принадлежности.

Тысячу лет назад, когда русская литература делала свои первые шаги, восточные славяне представляли собой ряд племен, живших на территории нескольких современных государств и говоривших на сходных наречиях. Поэтому одни и те же произведения древней славянской литературы русские могут считать произведениями русской литературы, украинцы — украинской, белорусы — белорусской, так как они созданы на едином для их предков языке. Большую роль в этой литературе играли писатели неславянских национальностей: и византийские греки, и скандинавы, и угро-финны, считавшие Древнюю Русь своей родиной и писавшие на славянском языке. Затем этнический состав русской литературы стал намного шире. Русским писателем может быть человек любой национальности.

За последние сто лет Россия пережила несколько волн эмиграции, в результате которых появилось особое явление — русская зарубежная литература. И сейчас за пределами России проживает немало писателей, пишущих на русском языке и составляющих часть русской культуры.

Что делает русскую литературу и русского писателя русскими? Во-первых, это русский язык, которым пользуется писатель. Во-вторых, это самосознание (есть умное слово — «самоидентификация») писателя, который считает себя носителем и продолжателем русской культуры.

SMS на бересте

Если литература появляется тогда, когда появилась письменность, то русская литература появилась тогда, когда появилась русская письменность.

Вместе с письменностью появился письменный язык, близкий к устному, разговорному. (Между письменным и устным языками есть разница. Иногда она больше, иногда меньше, но есть всегда. Вы и сами это знаете: люди никогда не говорят так, как пишут, и наоборот).

Распространение письменности на Руси было связано с принятием христианства восточными славянами в конце X века. Киевский князь Владимир принял христианскую веру византийского (греческого) типа. Христианская община на Руси была и до Владимира. Его бабушка, княгиня Ольга, была христианкой. Но именно Владимир сделал христианство государственной религией: крестился сам и другим приказал. Прежних языческих богов было приказано выкинуть из головы в Днепр и забыть. Агитация за новую веру была примерно такой: «Посмотрите, люди добрые, на Византию, какой там уровень жизни. А все почему? Потому что в единого Бога веруют, как все цивилизованные народы. Стыдно перед просвещенным человечеством за нашу дикость». Действительно, христианство к концу X века было знаком принадлежности к цивилизации, к «общечеловеческим ценностям», к «просвещенной Европе». Язычество в глазах прогрессивной общественности ну никак не катило. Языческая Киевская Русь была подозрительным и опасным недогосударством. Зато христианская Киевская Русь могла рассчитывать на достойное место в семье европейских стран. При таком раскладе могучая христианская Византия становилась союзницей христианской Руси. Такова была политическая выгода принятия христианства. Но, кроме запланированной политической выгоды, Русь получила еще одну, не политическую, не запланированную и благодатную.

Дело в том, что христианство в Западной Европе строилось по римскому (латинскому) образцу, а христианство на Руси — по византийскому (греческому). Позже разница между двумя ветвями христианства станет еще больше, западноевропейцы станут католиками, а жители восточной Европы — православными. Но уже в X–XI веках явно ощущался раскол. Например, римская церковь требовала, чтобы богослужение и священные тексты существовали только на тех языках, на каких дошли до нас Евангелия: древнееврейском, латинском или

греческом. Западноевропейская церковь пользовалась латинским языком. Теперь представьте себе не образованного дворянина, не ученого монаха, а простого французского или английского крестьянина, который ровным счетом ничего не понимал из того, что бубнил в церкви священник и что было написано в Библии. Он даже молитву толком выучить не мог! Язык церкви и язык народа были разными.

А восточным славянам, в том числе и русичам, повезло. Византийская (греческая) церковь допускала богослужение на родном языке христианина, если священные тексты были переведены на этот язык. Когда Владимир принимал христианство, оказалось, что и переводить не надо! Потому что переводы уже были сделаны. К этому времени некоторые славянские племена, в основном южноевропейские, уже были христианскими. Для них специально были сделаны переводы священных книг на одно из наречий древнеболгарского языка. Для этого пришлось создать славянскую азбуку — систему букв, которые бы наиболее полно соответствовали звукам устной речи. Это сделали греки Кирилл и Мефодий. В основе современного русского алфавита лежит как раз эта азбука. Язык тогдашних южных славян, в частности болгар, не сильно отличался от восточнославянских наречий. Поэтому на Руси после принятия христианства стал использоваться уже готовый письменный славянский язык. Сейчас мы называем его церковнославянским (или старославянским) языком. И простой русич не только понимал слова священника, молитвы и смысл Евангелия. Он без труда и сам мог выучиться чтению и письму! Берестяные грамоты, чудом сохранившиеся до нашего времени, говорят нам русским языком: грамотность была обыкновенной вещью среди обыкновенных жителей. Чаще всего это деловая переписка, но встречаются и просто письма к родственникам, и любовные записки — СМСки на березовой коре.

Но язык — это не то, что на языке. Язык — в голове. Больше того, язык формирует сознание человека. Церковнославянский язык оказал огромное влияние на сознание. Потому что христианство принесло совершенно новое понимание жизни и смерти, места человека в мире, заставило думать о душе и духе, о страдании и сострадании, о любви и добродетели. То есть о том, чего нельзя взять в руки, пощупать, взвесить. Духовная жизнь требует осознания таких вот бестелесных духовных понятий. Ведь для нас существует только то, что мы можем назвать словом. Нет слова «любовь» — нет и любви. Церковнославянский язык обогатил нашу речь словами для выражения таких понятий, которых не было ни в жизни, ни в головах тогдашних восточных

славян. Сравните восточнославянские и церковнославянские слова «сторона» и «страна», «вожак» и «вождь», «голова» и «глава», «ворота» и «врата», «беременная» и «бремя», «нёбо» и «небо», «один» и «единый», чтобы почувствовать разницу. А «мироздание», «блаженство», «воздаяние», «истина», «просвещение», «искупление»!.. Церковнославянский язык звучал торжественно и выражал абстрактные понятия.

Давайте похулиганим. Возьмем стихотворение Пушкина «Пророк» и попробуем все церковнославянские слова заменить исконно русскими. Получится что-то несуразное. Во-первых, называться оно будет «Волшебник». И начинаться будет примерно так: «Я пить хотел и по степи однажды ночью волочился, И вот совсем я затупил, И Змей Горыныч мне явился…» И так далее в том же духе.

Церковнославянский книжный язык и древнерусский разговорный язык не враждовали между собой. Они взаимодействовали, соединялись. На этом новом языке создавались первые русские произведения. Конечно, в подавляющем большинстве они были религиозными.

PR по-древнерусски

Но появляются и первые светские произведения, в первую очередь летописи. Летописи — это погодные («по годам») записи, отмечавшие важнейшие события: начало и конец княжений, распри между князьями (междоусобицы), битвы с внешними врагами, строительство храмов, засухи и морозы, неурожаи, эпидемии и т. д. Первой русской летописью считается «Повесть временных лет», созданная в начале XII века. Это почти единственный памятник, в котором описываются дохристианская, языческая история Русской земли и события XI века.

Летопись — это и древнерусский учебник истории, и средневековое средство массовой информации. Летописец должен быть правдивым и нести ответственность только перед Богом.

Но всегда ли правдив историк? Всегда ли пишет и говорит правду журналист?

В «Повести временных лет» летописцы, опираясь на устные предания и легенды, рассказывают, «откуда есть пошла Русская земля»: о племенах, населявших территорию будущей Руси, об основании Киева, о первых русских князьях, об их походах и битвах, о принятии христианства, о кровавых княжеских междоусобицах. Насколько она была правдивой?

Вот рассказывается об истории прихода варяжских князей на Русь. Мол, тупые и дикие славяне к порядку приучены не были и сами собой управлять не могли. И тогда стали искать антикризисного управляющего среди заграничных князей. Ну, как сейчас на «АвтоВАЗ» или в сборную по футболу. Первым топ-менеджером стал скандинавский князь Рюрик. От него и пошли все русские князья, а потом и цари. Все они были Рюриковичи. Непатриотично? Как сказать. Наоборот, сразу становилось ясно, что русские князья не абы кто, а с родословной. Варяжские князья, конечно, были так себе, но все же импортные. Захудалый, но все же бренд. А для того, чтобы Русь признали соседи, нужно было показать, что власть на Руси законная, что это не какие-нибудь самозванцы. Проверить правдивость легенды о «призвании варягов» невозможно. Но она доказывала законность княжеской власти на Руси.

Приведем еще один пример. В «Повести временных лет» есть эпизод с участием апостола Андрея. Апостол — ученик Христа. После смерти и воскресения Спасителя апостолы отправились в разные земли распространять христианскую веру. Апостолу Андрею досталось северное направление. Он шел вверх по Днепру и остановился на живописных холмах. «Вот здесь, — сказал он, —

будет великий город, и воссияет благодать Божия, и воздвигнется множество церквей». И тут же поставил крест. Вы, конечно, догадываетесь, что именно на этом месте возник Киев, ставший не только столицей, но и центром христианства на Руси. И неважно, был ли апостол Андрей на Киевских горах, говорил ли он такие слова — летописец эту легенду использовал, чтобы доказать: христианство пришло на Русь не как грипп и не по указу князя Владимира. Оно было предсказано учеником Христа и, следовательно, возникло по воле самого Бога. Летописец как бы говорил: мы приняли христианство не по расчету, а исполняя Божественное предначертание. Мы такие же христиане, как и весь остальной крещеный мир, и с законностью власти и религии у нас все в порядке. И учителя нам не нужны. Сами кого хочешь научим.

Таких легенд, непроверяемых, но очень выигрышных для власти, в «Повести временных лет» много. Вот такой древнерусский PR.

Поэтичные рассказы, входящие в состав летописи, послужили сюжетами для художественных произведений. Например, легенда о смерти князя Олега от своего коня стала основой для «Песни о вещем Олеге» Пушкина.

Путешествие в сказку

В конце XII века неизвестным автором было создано самое знаменитое произведение древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве».

В основе «Слова» лежит реальная история, случившаяся в конце XII века. Киевский («старший» по статусу) князь сумел на какое-то время объединить удельных князей, чтобы наказать степняков — половцев, которые просто достали русичей своими набегами. Удельные князья — это такие полевые командиры, которые киевскому князю подчинялись только формально и заботились о собственных княжествах, а не о Русской земле. Но половцы временно были общими врагами, и ради такого случая князья выступили вместе. Половцев нашли и больно наказали с конфискацией имущества. Однако несколько князей, в том числе Игорь из Новгорода-Северского (не путайте с Нижним или Великим Новгородом!), в общем походе участия не приняли. Якобы конница не смогла прийти вовремя из-за гололеда. Такова официальная версия или отговорка, а там кто знает, что у них было на уме. Но когда Игорь узнал о победе русских, то расстроился или разозлился: и добыча ушла из рук, и имидж доблестного воина подпорчен. И он решил, пока не поздно, ухватить удачу за хвост — совершить собственный победоносный поход, поскольку половцы напуганы и ослаблены. Стратег из Игоря был никакой. Он кое-как с помощью близких родственников собрал дружину и кинулся в степь. Но разведка у половцев работала хорошо. Они быстро поняли, что Игорь представляет только свой клуб, а не сборную Руси, что войско у него малочисленное, а потому симулировали бегство, заманили русичей поглубже в степи, а уж там разделались с ними не по-детски.

Дружинники почти все погибли, а Игорь с сыном попал в плен. Изысканность ситуации состояла в том, что Игорь и половецкий хан Кончак были давними друзьями, союзниками, вместе доблестно сражались против других русских князей и так же вместе доблестно бежали с поля боя. В опере «Князь Игорь» Кончак, когда к нему привели Игоря, спел: «Ты не пленник мой, ты гость мой!» Интересно, какими словами встретил хан Игоря на самом деле? Через какое-то время Игорь бежал из плена и вернулся на родину. Сын Игоря бежать не стал и занялся более интересным делом: женился на дочери Кончака.

Таков исторический сюжет, и примерно таким он должен быть изложен в летописи.

Но «Слово» — не летопись. «Слово» похоже на волшебно-героическую сказку, написанную на основе реальных событий. Волшебная сказка — это сказка, в которой есть волшебные герои, волшебные предметы и волшебные помощники. Солнечное затмение предупреждает Игоря об опасности. Четыре солнца во враждебной степи— четыре русских князя. Удивительные и загадочные существа (люди? звери?) разбегаются и кричат, когда Игорево войско пересекает границу Руси и степей. Волшебные помощники Солнце, Ветер, Днепр доносят голос Ярославны до гибнущих русских воинов. Волшебный помощник Овлур помогает Игорю бежать. Сам Игорь — не только благородный герой, он обладает волшебными способностями к оборотничеству. само бегство из плена, из царства смерти — один в один бегство Ивана и Василисы в «Царевне-лягушке», с превращениями и оборотничеством.

В волшебной сказке герой отправляется в страшное, неведомое, потустороннее тридевятое царство, чтобы вернуть утраченное, найти небывалое. Игорь идет, чтобы увидеть или вернуть утраченную землю предков — Тмутаракань, вернуть потерянную из-за неучастия в общем походе княжескую честь, воинскую славу. Он отправляется в страшный, странный мир — «незнаемую землю». И на границе этого мира — не избушка бабы Яги, а цепь холмов — «О, русская земля, ты уже за холмом!»

«Слово» похоже на летопись. Но это не летопись.

«Слово» похоже на сказку. И не похоже.

Есть то, что отличает «Слово» и от народной сказки, и от летописи.

Это — мотив, то есть та пружина, которая заводит сюжет. Зачем отправляется Игорь в поход? Летопись обычно глухо отзывается о мотивах похода: это решение каких-то политических задач, захват новых земель, добыча наконец. В сказке герой обычно совершает путешествие в потустороннее тридевятое царство, чтобы найти то, чего нет в обычном мире или что похищено — жар-птицу или молодильные яблоки, например, или украденную жену. В «Слове о полку Игореве» эти мотивы отсутствуют или приглушены. Добыча ни Игоря, ни его воинов не интересуют. Автор специально упоминает: захватив половецкие обозы, русичи демонстративно бросают драгоценные ткани в грязь, под копыта лошадей. Сам Игорь утверждает, что хочет коснуться копьем какой-то Тмутаракани, то есть достичь земель, будто бы когда-то принадлежавших его предкам. Но никаких завоеваний не происходит. Воины Игоря в половецком поле ищут себе чести, а князю славы. Воинская слава, конечно, для князя значила много, но идти в самоубийственный поход только ради

славы — это слишком даже для такого горе-вояки, каким был Игорь. Так зачем же отправился Игорь в поход?

И ответ на этот вопрос дает только один, незримый и загадочный персонаж — автор «Слова». И всем строем свой поэтической сказки, и напрямую он утверждает: Игорь — защитник христианства. Он вступает во враждебную, языческую землю, он — несет свет веры во тьму неверия. Вот почему самый насыщенный образ «Слова» — это Солнце. Солнце — это и жизнь, и надежда, и христианская вера, и русские князья, и волшебный помощник… Главный конфликт «Слова» — противостояние тьмы и солнца, Русской земли и «Земли незнаемой», христианства, окруженного языческим Кощеевым царством — царством тьмы и смерти.

А как еще мог поступить Автор? Он наверняка был приближенным к князю человеком, может быть, даже участвовал в походе. И он же, видимо, отвечал за пресс-службу. Не мог же он написать, что Игорь отправился в поход или сдуру, или за добычей, надеясь на легкую победу, да еще и против бывшего подельника — Кончака. Нет, говорит автор, Игорь и его воины — образцы воинской доблести и благородства, но их слишком мало, потому что Русь впала в междоусобную смуту, и большого войска объединенных княжеств не собрать. То есть не Игорь виноват, а исторические обстоятельства. Но князь истинный христианин, и если рассматривать его поход как крестовый поход… Тогда другое дело. Автор «Слова» гениален. Он нашел такую форму повествования о несчастном походе Игоря, что Игорь выглядит героем, благородным защитником веры. И в то же время автор не погрешил против правды. А правда в том, что катастрофа Игоря — не только его вина, это грозное предупреждение о том, что вся Русь, раздираемая смутами и жадностью князей, может повторить судьбу Игорева войска.

«Слово» в древнерусском языке означало и проповедь, и похвальную речь. «Слово о полку Игореве» — это еще и плач, горестное размышление о судьбе Русской земли, разваливающейся от княжеских разборок и поэтому беззащитной перед внешними врагами. Именно в раздорах русских князей автор видит причину гибели Игоревой дружины. Игорь благороден и храбр, но одинок, его дружина слишком мала, чтобы противостоять многочисленному войску половцев, его поход, предпринятый без поддержки других князей, становится авантюрой, обреченной на провал.

И тогда автор деликатно отодвигает Игоря в сторону, выводя настоящего главного героя «Слова». Это не Игорь, а Русская земля. Русская земля, какой она предстает в «Слове», — это

светлый остров, окруженный темным океаном вражды, злобы, язычества — «землей незнаемой». Этот остров застроен христианскими храмами, заселен трудолюбивыми людьми, сильными князьями, верными и любящими женами. Русская земля — не географическое, а духовное пространство, которое может сохраниться только при условии внутреннего единства, когда каждый князь научится различать «великое» и «малое» — судьбу родины и собственные амбиции. Трагедия же в том, что давно посеяна вражда между князьями, что уже давно, как говорится в «Слове», сказал брат брату (а русские князья действительно тогда были близкими родственниками): это мое, и это — тоже мое!

«Слово о полку Игореве» — и гимн Русской земле, и плач по ней. История похода и гибели Игорева войска, хотя и стала сюжетом произведения, в его общем объеме занимает немного места. Задача автора — не рассказать историю, а эмоционально воздействовать на слушателя, заставить пережить не только и не столько смерть и плен русских воинов, сколько горестную судьбу родины (большинство произведений древней русской литературы было рассчитано не на чтение «про себя», а на публичное, выразительное, распевное произнесение). Он описывает красоту русской земли, вспоминает, как и почему начались княжеские усобицы, перечисляет обрушившиеся из-за этого на родину беды, призывает князей к миру и единству, скорбит по погибшим, сочувствует простым русским людям, которым набеги своих князей и чужих кочевников не дают заниматься мирным трудом, создает удивительный по красоте и печали плач-причитание русской женщины по погибшему в битве возлюбленному, рисует образы фантастических существ, населяющих враждебные степи, подстерегающих храбрых русичей и грозящих бедами, заставляет солнце и тучи, деревья и травы, птиц и зверей участвовать в происходящей трагедии…

Автор «Слова» — человек высокой культуры, он создает образцовое ораторское произведение, но наполняет его образами устной народной поэзии, вводит сказочных персонажей, создает особый ритм речи. Недаром многие переводчики «Слова» на современный русский язык, чувствуя это, делали не прозаическое, а стихотворное переложение.

Вот так автор, состоящий на службе у князя Игоря, пропиарил не своего непутевого князя, а родину.

Сочинение на тему «Человек, на которого хочется быть похожим»

Такие сочинения раньше часто писали в школе. Сейчас реже.

Интересно, а на кого хотели быть похожими твои древнерусские ровесники? Кто был для них примером? Этого мы не знаем. Но мы знаем, кто **должен** был стать для них примером, идеальным героем. Сочинения, описывающие идеального героя, назывались житиями, или агиографиями. Жития — жизнеописания праведников, достигших духовного совершенства и причисленных Церковью к лику святых. Сначала в Древней Руси распространялись жития святых, узаконенных греческой (византийской) церковью. Но затем, когда русская православная церковь окрепла, она стала создавать собственный, чисто русский список святых, причислять к лику святых (канонизировать) соотечественников, прославившихся своей праведной жизнью, твердостью в вере, любовью к ближнему, патриотизмом. Эти сочинения предназначались не только для церковников, но и для обычных людей.

Обычно жития строились по канону — то есть по определенному плану. Автор жития начинал с извинений: «Уж простите вы меня, люди добрые, — говорил он, — что я, такой недостойный, грешный и глупый, взялся описывать вам жизнь такого великого человека. Руки бы мне оторвать!» Но потом успокаивался и переходил к рассказу. План был примерно такой: семья — рождение и детство будущего святого — тяга к церкви и праведной жизни — уход в монастырь — духовные подвиги и чудеса — кончина — посмертные доказательства святости. Родители святого были люди праведные, истинно верующие и в таком же духе воспитывали ребенка. Будущий святой рос необычным ребенком: играть с другими детьми не любил, репу не воровал, за девчонками не гонялся. Зато ходил в церковь как на праздник, молился изо всех сил и лет с десяти все порывался уйти в монастырь. Но родители его удерживали. «Рано тебе еще, — говорили они, — подожди, когда помрем». Если они оставляли наследство, то… Нет, вы не поверите: он все раздавал бедным и наконец-то становился монахом. Но и этого ему было мало. Святой обязательно хотел еще и пострадать, и «убить плоть» — то есть голодом и трудом довести себя до того, чтобы в голову уже никакая дурь не лезла. Для этого он удалялся в пустынь (уединенное место), давал обет молчания, ходил в холодной рваной одежде в любой мороз, пил только воду и ел

хлебные корки — да и того ему было много. И за это ему было счастье: у него появлялся чудесный дар. Он мог, например, исцелять больных и предвидеть будущее, останавливать врагов у стен монастыря или молитвой вызывать дождь в засуху. Свою кончину он тоже предвидел и, прежде чем умереть, призывал к себе других монахов и произносил речь. И когда он умирал, то на лице его была написана радость: наконец-то! Заключалось житие описанием посмертных чудес, потому что чудеса — признак святости. Самым простым чудом считалось нетление, то есть тело святого не разлагалось даже через многие годы, напротив, от него исходило благоухание. Но обычно посмертные чудеса были намного чудеснее: святой мог явиться в нужный момент и оказать помощь монастырю, а то и разогнать вражеское войско.

Так иронично может воспринимать житие человек в наше растрепанное время. Но Древняя Русь жила по своим законам, и каким бы плохим ни был человек, он все же ощущал себя частью Церкви. Он признавал ее моральный авторитет, верил в чудеса, и святой был для него действительно святым.

Понятно, что реальные жития не писались под копирку и могли сильно отличаться друг от друга. Например, в житии Стефания Пермского количество чудес было сведено к нулю. Святые проживали разные жизни, и жития выходили непохожие.

А что делать, если святой был не монахом, а князем? Ведь князь в Древней Руси — прежде всего воин. А христианская святость и война, оружие, убийство — вещи несовместимые. Как в таких случаях поступал автор, которому было поручено составить повесть о святой жизни князя?

В XIII веке было написано житие князя Александра Невского. Мы его знаем как талантливого полководца. Храбрым воином, одержавшим блистательные победы, искусным дипломатом, умевшим договариваться с монгольскими ханами, и твердым в вере христианином, отстоявшим свои религиозные убеждения в споре с посланцами папы Римского, предстает новгородский князь. Автор постоянно подчеркивает: с мечом в руке Александр отстаивал русское православие от «римского», «неправильного» христианства, самостоятельность русской церкви — от посланцев папы римского. Не очень важно, был ли таким Александр на самом деле. Ведь цель автора — создать идеальный образ, пример другим князьям и всем людям, показать, что прожить праведную жизнь можно не только в стенах монастыря, но и в миру.

Нарисовать убедительный образ идеального, или положительного, героя — до сих пор одна из самых трудных задач для писателя. Идеальные герои обычно получаются не очень живыми, наоборот, они часто выходят скучными,

схематичными. Поэтому самые талантливые авторы житий пытались очеловечить своих героев, приблизить к читателям. Самое известное древнерусское житие посвящено духовному подвигу Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиева монастыря. Если его современник князь Дмитрий Донской сумел объединить политические и военные силы русских княжеств для решающей битвы с татаро-монголами — Куликовской (1380), то Сергий стал духовным объединителем Руси, именно он благословил Дмитрия и все русское воинство на это сражение. Житие Сергия написал Епифаний, которого прозвали Премудрым. Он очень деликатно дополняет рассказ о святом бытовыми деталями и жизненными ситуациями, которые оживляют, но не снижают образ Сергия. Оказывается, в детстве у святого были нелады с учебой, и ему трудно давалась грамота. А когда Сергий удалился в пустынь, к нему повадился ходить медведь, с которым святой делил скудную пищу. Почти юмористической становится сцена, когда некий человек, приехавший повидать знаменитого старца, не верит, что одетый в нищенскую одежду старик с лопатой в огороде — это и есть знаменитый Сергий из Радонежа. Ранняя избранность Богом для религиозной деятельности, любовь к людям, неустанный физический и духовный труд, скромность, почти нищета в быту, способность к творению чудес как свидетельство силы веры — вот черты русского святого.

Бестселлер протопопа

Жизнь, как говорится, берет свое, а иногда и чужое. Идет время, и всё больше возрастает интерес древнерусских писателей и читателей к другим, более земным, сторонам жизни человека. Читатель теперь хочет не только поучительности, но и увлекательности.

Вот какая история произошла с написанной в XVI веке и очень популярной на Руси «Повестью о Петре и Февронии Муромских». Канонизация (причисление к лику святых) муромского князя Петра и его жены Февронии предполагала составление жития — жизнеописания, подтверждающего святость героев. Написать житие Петра и Февронии было поручено протопопу Ермолаю. Однако Петр и Феврония жили в XII веке, а Ермолай в XVI-м. Попробуйте-ка написать что-нибудь о вашем пра-пра-пра-дедушке, который жил 400 лет назад! Единственное, что вы сможете о нем сказать, что он жил и умер и был (может быть) хорошим человеком. Для жития маловато. Вот и бедный Ермолай мог опираться не столько на документы и воспоминания (они почти не сохранились), сколько на легенды и предания о жизни и делах муромских князей. А что такое легенда? Быль, от старости похожая на сказку. Но протопоп Ермолай был, видимо, человек веселый и с воображением. Его эти легенды так увлекли, что вместо жития он написал увлекательную приключенческую волшебную повесть, в которой герой побеждает змея-оборотня чудодейственным мечом, героиня обладает магическими знаниями, словно сказочная мудрая дева. Сюжетом становится не столько описание жизни, посвященной Богу, сколько история верной любви Петра и Февронии, любви, преодолевающей зависть, злобу, предрассудки. Конечно, Ермолая за эту самодеятельность как следует отругали. «Какое ж это житие? — строго сказал ему заказчик. — Это ты, Ермолай, что-то несуразное написал. Неформат!» Пришлось писать другое, «правильное» житие. Но зато «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма стала бестселлером древнерусской литературы. Ее так часто переписывали от руки, что она дошла до наших дней.

А теперь о грустном. О древнерусской литературе мы знаем только по дошедшим до нас произведениям. А дошло их совсем немного. И дошли они, если уж начистоту, случайно. Причин много.

Долго и трудно создавалась древнерусская книга. Монах писал заостренной палочкой или пером на дорогостоящей бумаге

(она была редкостью!) или выделанной коже, стараясь красиво и аккуратно вывести каждую букву, пользуясь светлым временем. Вечером или ночью не попишешь. Наверняка заместитель настоятеля монастыря по хозчасти ругался: «Ишь, расселись тут! Писатели, елы-палы! Свечей на вас не напасешься!» Рукопись создавалась в единственном экземпляре. Если было необходимо, ее переписывали несколько раз — но счет шел максимум на несколько копий, а никак не на тысячи. За 50-100 лет рукопись, если она не была сложена в книгу, приходила в негодность. Она могла сгореть в пожаре — а пожары тогда были обычным делом. Всякий порядочный город просто обязан был раз в 10–15 лет сгорать дотла. Рукописи уничтожали специально: в ходе церковных реформ, реформ Петра I-го, революций и борьбы с религией в XX веке. Никто не считал, сколько погибло рукописей. Возможно, до нас дошла одна тысячная часть того, что было написано в XI–XVII веках. А может, и меньше. Говорят, рукописи не горят. Ага, как же. Еще как!

Кривой ответ на прямо поставленный вопрос

На уроках литературы мы читаем и изучаем так называемую «художественную» литературу. По-английски ее называют fiction. Фикция — это то, чего не было на самом деле, что создано и существует только в воображении автора. Ну и читателя, конечно, если он прочитает такую книгу. Была ли древнерусская литература художественной? И да, и нет.

Почему да?

Потому что в произведениях древнерусской литературы часто присутствовал вымысел, авторская фантазия, потому что в письменные тексты по разным причинам проникали сказочные образы и сюжеты устного народного творчества — фольклора, потому что авторы стремились воздействовать не только на разум, но и на чувства слушателей и читателей, а сильнее всего воздействует красота. И древние писатели старались писать красиво, украшали свою речь яркими сравнениями, эмоциональными восклицаниями, строили тексты подобно зодчим, строившим храмы.

Почему нет?

Потому что древнерусская литература и не собиралась быть художественной. Главная ее цель — донесение Истины, она стремилась строго следовать фактам, поучать, а не развлекать, призывать к праведной жизни, а не рассказывать занимательные истории. Ведь древнерусская литература и по происхождению, и по содержанию была прежде всего религиозной. И если в текст проникали фантазия, вымысел, то не специально. Если в «Повести временных лет» рассказывается легенда о гибели Олега от своего коня, то проверить ее достоверность даже во времена создания летописи было уже невозможно. Но эта сомнительная история потребовалась летописцу, чтобы утвердить мысль о неотвратимости судьбы. Был ли апостол Андрей на берегах Днепра, как рассказывается в летописи? Вряд ли. Но летописец пересказывает эту легенду, чтобы доказать равенство Киевской Руси с другими христианскими государствами.

Много сказочных мотивов и отступлений от исторической точности и в «Слове о полку Игореве». Но это оправдано: автор создает не историческое, а ораторское, лирическое, эмоциональное по сути произведение, призывающее к единству Русской земли, и жертвует для этой цели достоверностью. Образы, которые автор черпает из фольклорных источников,

необходимы ему для большей убедительности, для создания эмоционального эффекта.

Жития, доказывающие святость героя, почти всегда описывали чудеса, им совершенные. Здесь действительность от легенды порой отличить невозможно. Это вопрос веры. А авторы житий свято верили в эти чудеса.

Древнерусские книжники не считали себя писателями, авторами в современном значении этих слов. Скорее они ощущали себя скромными переписчиками, ретрансляторами, передатчиками и распространителями уже существующей Истины. Они осознавали слабость своих человеческих сил перед величием этой Божественной истины и часто начинали свои произведения с самоуничижения, с признания своей «худости», с извинений перед читателем, что, будучи обычными людьми, берутся говорить о вечном и высоком. И все же они пытались выразить и донести Истину доступными им средствами. А средства эти в лучших произведениях древней русской словесности были высокохудожественными.

Не срослось: литература XVII века

Древнерусская литература была литературой средневековья. Существовала она с XI по XVI век.

А вот литературу XVII века часто называют литературой переходного периода. XVII век был действительно переходным. Это был переход от Средневековья к Новому времени, то есть к такому обществу, которое в общих чертах сохраняется до сих пор. Если начался этот переходный век с трагических событий Смутного времени, с кризиса русского Средневековья и его преодоления, то в конце века Россия уже ставит перед собой задачу стать одним из ведущих государств Европы и Азии.

Переходной была и литература. По-прежнему она живо откликается на важнейшие события своего времени. В начале XVII века Русь охватила смута. Русские писатели не только описывали происходящее, но и пытались понять причины наступивших бедствий, взывали к совести русских людей, справедливо считали, что смута царит не столько в государстве, сколько в головах. Об этом пишет Авраамий Палицын в историческом сочинении о смутном времени «Сказания, или истории в память предыдущим родам». Он рассказывает о загадочной смерти в Угличе царевича Димитрия, о последовавшей смене царей, о самозванцах, о развернувшейся гражданской войне, поддержанной поляками. Самый яркий эпизод книги — описание осады мятежниками Троице-Сергиева монастыря и героической его защиты. Автор старается дать самое полное, документальное представление о Смутном времени.

Совсем другой характер носит «Повесть о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского». Это очень эмоциональное произведение, рассказывающее о внезапной и странной смерти совсем молодого, но талантливого и уже прославившегося своими победами полководца. На него с надеждой смотрели русские люди, ждали, что он избавит родину от мятежников и интервентов. Автор выдвигает свою версию гибели князя: он был отравлен на пиру женой князя Дмитрия Шуйского Марьей. Для автора важно, что Марья — дочь Малюты Скуратова, опричника Ивана Грозного, известного своей жестокостью. Намек ясен: вот откуда идут корни той злобы, предательства, которые охватили сегодня Русскую землю.

По-прежнему основная часть литературы была религиозной. Но в середине XVII века происходит церковный раскол, вызванный реформами патриарха Никона. Возникает особое ответвление религиозной литературы, составленное из

произведений раскольников-старообрядцев, то есть священников, не принявших реформ. (Старообрядцев легко узнать по манере делать крестное знамение — не тремя, а двумя перстами). Наиболее заметной фигурой раскольнического движения и старообрядческой литературы был протопоп Аввакум. Самое значительное его произведение — «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Это автобиография, в которой Аввакум рисует себя как человека несгибаемой веры. Его жизнь — это цепь страданий и лишений, это непрерывная борьба с людскими грехами и отступлениями от истинного, дореформенного благочестия. Ни подкуп, ни преследования, ни пытки не способны его смирить и примирить с религиозными противниками. Аввакум — замечательный писатель, который смело ввел в литературу разговорную, часто грубоватую речь, наполнил повествование яркими бытовыми зарисовками, трогательными подробностями. Таков его рассказ о черной курочке, которое в голодное время давала каждый день по два яичка и этим спасла детей протопопа от смерти, когда он с семьей был отправлен в ссылку. Одним штрихом он рисует характер верной, любящей жены. Обессилевшая от пешего пути по льду, голода и страха (дело происходит в сибирской ссылке), потерявшая надежду, она спрашивает протопопа: «Долго ли нам еще мучиться?» И я говорю: «Марковна, до самой смерти!» Она же, вздохнув, ответила: «Добро, Петрович, дальше побредем».

Но самым значительным явлением литературы XVII века стало появление сатирических и бытовых произведений. Оно свидетельствовало об изменении сознания русского человека, о том, что он начинал чувствовать себя более свободным, начинал шутить и смеяться не только в жизни, но и в литературе. Над чем он смеялся? Над тем, что считал уродливым и недостойным. Над несправедливыми, продажными судьями, над человеческими пороками, над церковниками, говорящими одно, а делающими совсем другое. Сатирическая литература широко использовала сюжеты народных сказок, пародировала (пародия — подражание с целью осмеяния) юридические документы, богословские споры.

В «Повести о Шемякином суде» описывается судебная тяжба между богатым и бедным. Увидев по мешку в руках каждого, судья выносит приговор в пользу бедного, поскольку у того мешок больше. Но, оказывается, у того в мешке не деньги, как у богатого, а подобранный по дороге камень. Судья, однако, доволен: он не получил денег, зато не получил и камнем по голове.

В «Слове о бражнике» пьяница после смерти стучится в ворота рая. Выходящие к нему по очереди прославленные святые

гонят его прочь. Однако бражник хорошо знает Библию, историю церкви и жития святых. И он с фактами в руках доказывает, что в своей земной жизни они тоже были грешниками и грехи каждого из них были потяжелее пьянства.

Освобождение человека от средневекового сознания проявилось в появлении бытовой повести и героя нового типа. Это человек, который хочет «жить, как ему любо», а не так, как велят старшие, как поучает Церковь. Покорность, следование устоявшимся традициям всегда была добродетелью в средневековом обществе. Теперь появляется герой, который хочет жить своим умом. На этом пути можно потерпеть поражение, как это происходит с Молодцем из «Повести о Горе-Злочастии», который повторяет судьбу евангельского блудного сына и заканчивает свои дни в монастыре.

А во второй половине XVII века русская литература буквально взрывается приключенческими («авантюрными») повестями. Они по-прежнему анонимные и рукописные, но это уже типично светские, увлекательнейшие произведения, в которых переплетаются сказочные сюжеты и реальные исторические события, а героем становится не идеальный, а вполне земной, обычный человек.

Если бы нашелся хороший продюсер с хорошими деньгами, какой фильм можно было бы снять по «Повести о Савве Грудцыне»! Посмотрите хотя бы синопсис — краткое изложение сюжета произведения. Богатый казанский купец посылает 16-летнего сына Савву с товарами в Орел. В Орле тот останавливается в доме друга отца. Его молодая жена соблазняет Савву. Когда он пытается избавиться от ее назойливых приставаний, ее любовь к нему перерастает в ненависть. Она опаивает Савву любовным зельем и жалуется на него мужу. Савва с позором изгнан из дома, но теперь он сам влюблен, его мучит любовный недуг. В таком состоянии он встречает юношу, который называет себя родственником Саввы и обещает ему помощь в любовных делах. Надо только подписать одну бумагу. Герой, не раздумывая и даже не читая, подписывает документ. Мгновенно все меняется: Савва снова в доме своей возлюбленной, снова «в сетях блуда». Вскоре мнимый родственник героя открывает свое истинное лицо. Он ведет Савву в фантастический золотой город и знакомит со своим «отцом» — Сатаной. Узнав, что в Орел собирается приехать отец Саввы, бес увлекает его в веселое и беспечное путешествие по разным городам (в деньгах, как вы понимаете, нужды нет), а затем заставляет поступить в армию. Савва участвует в осаде Смоленска, захваченного польско-литовскими войсками еще в смутное время, и совершает

множество подвигов — не без помощи дьявольской силы, конечно. Затем Савва и бес оказываются в Москве, где герой тяжело заболевает. На пороге смерти он исповедуется и рассказывает священнику о подписанном с Сатаной договоре. Окруженный бесами, радостно ожидающими новую грешную душу, Савва обращается с молитвой к Богородице. Она является ему во сне и велит посетить церковь Казанской Божьей Матери. Там битва дьявола и Бога завершается понятно в чью пользу. Голос свыше объявляет Савве прощение. Проклятая расписка падает у дверей храма. Савва выздоравливает, раздает на благие цели полученное от отца наследство и уходит в монастырь.

В соответствии со средневековыми представлениями и Молодец из «Горя Злочастия», и Савва наказаны за своеволие. Но уже в «Повести о Фроле Скобееве» герой, соблазнивший дочку богатого воеводы, не терпит поражение, а наоборот, добивается жизненного успеха. Фрол Скобеев, конечно, плут, но это человек нового типа, живущий не по заветам отцов, а достигающий своих целей благодаря хитрости, инициативе, уму.

Такие повести называют беллетристическими. Поучительность соседствует в них с увлекательностью, они завораживают читателя чудесными приключениями, волшебными превращениями и в то же время подкупают знакомыми бытовыми подробностями, создают ощущение полноты жизни. Так литература отмечает переход от Средневековья к Новому времени. В XVII веке стремительно складывался новый тип литературы — литературы, в которой господствовал увлекательный приключенческий («авантюрный») сюжет, в которой соединялись высокие традиции книжной духовной литературы и мотивы народной культуры. Если бы русская литература продолжала идти по этому пути, она была бы сегодня другой. Не лучше, не хуже, а другой. Может быть, более коммерческой, более сюжетной, динамичной.

Но этот путь был прерван в начале XVIII века, когда в результате реформ Петра Первого произошел разрыв между народной культурой, древнерусскими книжными традициями с одной стороны — и новой дворянской культурой с другой. И этот разрыв мы преодолеваем до сих пор. До сих пор массовая, «низкая», попсовая культура отделена пропастью от культуры «высокой», элитарной.

Русская литература XVIII века: поэт и гражданин

С XVIII века русская литература постепенно становится такой, какой мы привыкли видеть ее сегодня.

Теперь автор смело ставит имя под и над своими произведениями. Литература перестает быть анонимной.

Вымысел не только допускается, но и приветствуется. «Ну-ка, ну-ка, чего ты там интересного выдумал?» — с такой мыслью открывает читатель книгу. И писатель, конечно, старается вовсю.

Книги не пишутся от руки, а печатаются в типографиях. Они становятся доступнее. Появляются люди, которые любят читать. Не для чего-то, а просто так, не пользы ради, а для удовольствия. Сначала их не так много, но с ростом грамотности и удешевления книг число читателей растет. К их вкусам приспосабливается писатель, старается сочинить то, что будет интересно читателю. И наоборот: писатель своими книгами воспитывает читателя, формирует хороший литературный вкус.

А что такое хороший вкус? Это когда человек предпочитает настоящую литературу литературному фастфуду. Вот есть так называемые усилители вкуса, к которым человек привыкает. И он перестает понимать настоящий, живой вкус. Вкусными ему кажутся синтетическая, тошнотворно сладкая газировка с кофеином, чипсы и вермишель с глютаматом натрия, соленое, жирное и жареное… Такие усилители вкуса есть и в плохой литературе: насилие, секс, сопли в сахаре… Это рыночное конвейерное производство, а не штучная работа. Вместо живой героини — очередная Золушка, вместо трагедии войны — стрелялки-погонялки…

Если до XVIII века литература была преимущественно религиозной и ее задачей было воспитание христианина, то теперь она становится светской. Но она по-прежнему стремится воспитать человека. Увлекая и развлекая, она пытается сделать его лучше.

Представления о хорошем человеке менялись, и менялась литература. В Древней Руси хороший человек — это хороший христианин. Человек XVIII века — это часть государства, гражданин. Хороший человек — это хороший гражданин. Главной целью становится формирование прежде всего Гражданина — человека, ответственного за судьбу своей страны. Тема гражданского долга стала основной в литературе классицизма.

Классицизм — это направление в искусстве XVIII века

(литературе, архитектуре, живописи), которое провозгласило своей целью прославление мудрого Монарха, могучего Государства, справедливых Законов и благородных Героев (именно с большой буквы), отдающих все свои силы, а то и жизнь на благо этого самого Государства.

Писатели, художники, архитекторы, скульпторы, которых мы относим к направлению классицизма, имели общее представление о том, какова цель искусства и каким оно должно быть.

Это направление получило название «классицизм», потому что идеал красоты, образцы искусства, с точки зрения людей XVIII века, уже были созданы в так называемую классическую эпоху, то есть во времена Древней Греции и Древнего Рима. Поэтому современное искусство, искусство классицизма, должно подражать вечным и высоким творениям античной эпохи. В искусстве должны царить ясность, простота, творец должен руководствоваться разумом и подчинять ему свои чувства.

Эпоху русского классицизма открыли Антиох Кантемир и Михаил Ломоносов.

Кантемир писал сатиры — большие по объему стихотворения обличительного характера, в которых он рисовал портреты людей, воплощающих в себе различные недостатки. Классицисты считали, что можно выделить и посчитать основные пороки и добродетели, присущие человеку. Носителями пороков в сатирах Кантемира становятся лицемерный священник, прожигатель жизни, модник, дворянин-бездельник, невежа и т. д. Все эти пороки мешают человеку стать Гражданином и исполнять свой общественный долг.

Но Кантемир писал свои сатиры стихами, которые воспринимаются сегодня как тяжеловесные, неуклюжие, непонятные. «Исправить» русский стих, придать ему звучность и красоту смог Ломоносов. Он разработал такую стихотворную систему, которой русские поэты пользуются и поныне.

Ломоносов писал оды. В отличие от сатиры, ода — это торжественное, похвальное, «важное», как тогда говорили, стихотворение. Обычно ода восхваляет царей и прославляет большие государственные события, например военные победы. Оды Ломоносова тоже посвящены государственным деятелям и событиям. Но под его пером они превращались в прославление России и науки. Наука в одах Ломоносова — это средство раскрыть тайны мироздания, открыть таящиеся в недрах земли несметные богатства и тем самым сделать Россию могучей державой. Явно или незримо в одах Ломоносова присутствует образ Петра Первого — идеального монарха, являющегося

примером для всех царей, потому что он посвятил свою жизнь процветанию Родины.

Образцы классицистической трагедии создал Александр Сумароков. Часто он брал сюжеты из древней русской истории. Герой трагедий Сумарокова — государственный деятель, оказавшийся перед мучительным выбором между гражданским долгом и личными пристрастиями. Но герой потому и герой, что в нем Гражданин побеждает человека, долг оказывается выше страсти. Этот выбор может стоить ему жизни, но смерть возвышает героя: он гибнет, но исполняет священный гражданский долг.

Завершилась эпоха русского классицизма поэмой М. Хераскова «Россиада», в основу сюжета которой легло выдающееся событие русской истории — покорение Казани Иваном Грозным.

Современному школьнику не рекомендуется читать классицистические произведения ни при какой погоде. Нет, мы уважаем и ценим Кантемира, Сумарокова, а особенно Ломоносова за его большой вклад во всё: за Московский университет и закон Ломоносова — Лавуазье, за производство стекла и стихов, — но сегодня их произведения так далеки от нас и написаны таким темным и высокопарным языком, что одолеть их можно только со словарем в одиночной камере.

Люди XVIII века жили в эпоху, когда происходило становление новой морали. И русская литература ставила не только высокие гражданские, государственные проблемы. Она спускалась на землю и говорила, что хороший гражданин должен быть и хорошим, прежде всего честным, человеком. Об этом одно из самых известных произведений XVIII века — комедия Дениса Фонвизина «Недоросль». Основные герои комедии — русские дворяне. Дворянство — опора государства. Чтобы быть такой опорой, дворянин должен быть просвещенным человеком, не только образованным, но и воспитанным. Воспитанный человек — это тот, кто умеет отличать добро от зла, тот, кто стремится жить в согласии со своей совестью. Ведь совесть — это «хороший я» в нашей душе. Такие герои в комедии Фонвизина есть. Но на первом плане комедии находятся другие: необразованные, невоспитанные, бесчеловечные, «злонравные». В «Недоросле» идет борьба за душу 16-летнего Митрофана, выросшего в семье помещиков Простаковых. Они воспитывают Митрофана по своему образу и подобию. И он хорошо усвоил уроки родителей. Митрофан груб, безграмотен, жесток. К счастью, в поместье появляются положительные герои, среди которых выделяется Стародум. Он «думает по-старому», то есть это человек

петровской эпохи, сохранивший, несмотря ни на что, высокие гражданские и человеческие принципы. Из-за бесчеловечного обращения со своими крестьянами Простаковы лишены права управлять своим имением, а Митрофана берут на воспитание и государственную службу. Герои комедии четко делятся на положительных и отрицательных. Положительные все на одно лицо и говорят правильным обезличенным языком. Зато каждый из отрицательных — это яркий характер, и каждый говорит не причесанным, а живым, порой грубоватым, но сочным языком.

Фраза Митрофана «Не хочу учиться, а хочу жениться» стала крылатой, отразив надежды и мечты многих поколений школьников.

«Довольно. С плеч долой обуза. Я классицизму отдал честь» (А.С.Пушкин)

Русская литература развивалась очень быстро, и скоро рамки классицизма стали ей тесны, потому что она стремилась к отображению живой национальной жизни, а не отвлеченных характеров и ситуаций.

В поэзии такой прорыв сделал Гаврила Романович Державин. Он, как и Ломоносов, писал оды. Но оды Державина стали совсем другими. В них торжественность стала сочетаться с юмором, высокий стиль речи — со свободной манерой задушевной беседы, вдохновение победило расчет. Русская поэзия еще не знала и потом еще долго не могла повторить такой грандиозный масштаб мысли и чувства, какой придал ей Державин. Державин первым понял сущность лирической поэзии: «Вдохновение, вдохновение, повторяю, а не что иное, наполняет душу лирика огнем небесным». Для Державина поэзия была не похвальной или обличительной речью, а выражением любви к Богу и человеку, выражением восторга перед красотой и чудесами Божьего, прекрасного и в то же время такого земного мира.

Во второй половине XVIII века приходит понимание, что ценность человека измеряется не только его гражданскими качествами, но и внутренними: его способностью к любви, дружбе, полнотой и красотой духовного мира. Не каждому дано быть героем, выдающимся общественным деятелем, но каждый может быть или стать хорошим, «чувствительным» человеком, то есть чувствующим красоту природы и искусства, радость, боль и страдания другого. Возникает литературное направление, получившее название «сентиментализм». Оно интересовалось не общественной, а частной жизнью человека, миром его чувств. Самым ярким представителем русского сентиментализма был Николай Михайлович Карамзин. Его литературная и научная деятельность разнообразна. Но в историю русской литературы он вошел как автор маленькой повести «Бедная Лиза». Это «Золушка» наоборот — история любви дворянина и крестьянки, трагическим финалом которой стало самоубийство соблазненной и обманутой Лизы. Это именно сентиментальная, «чувствительная» повесть: глубоко чувствует героиня, плачет над ее судьбой автор, искренне раскаивается в своей измене герой. И обращена эта печальная история к читателю-единомышленнику

— такому же чувствующему, «нежному сердцем» человеку. Язык повести — тоже «чувствительный». Лиза и ее мать живут не в избе, а в «хижине», в лесу летают не птицы, а «птички», в деревне живут не мужики и бабы, а «поселяне», «пастушки» и «добрые старушки». Впервые в русской литературе появляется психологический пейзаж. Природу Карамзин называет «натурой», и она становится одушевленным свидетелем и участником событий. Сначала она призывала возлюбленного Лизы «в свои объятия, к чистым своим радостям», потом «сетовала о потерянной Лизой невинности». Карамзин впервые в русской литературе показал противоречие между природой и цивилизацией. Крестьянка Лиза выросла на лоне природы, ее душа — воплощение добра. Цивилизация, напротив, губит добрые начала в человеке. Таков возлюбленный Лизы — житель города, москвич с нерусским именем Эраст. Бесхитростный сюжет о жестокостях любви и проклятом изменщике, слащаво-чувствительный, но понятный язык сделали повесть чрезвычайно популярной. Особенно привлекала простых читателей идея равенства людей разных сословий: деревенской девушке тоже присущи высокие чувства, она тоже любит и страдает, и она благородна в любви и страдании. «Ибо и крестьянки любить умеют!» — сказал Карамзин. И поскольку он написал эти слова сразу после Великой французской революции, многие задумались.

Своеобразным итогом развития русской литературы XVIII века стала книга Александра Николаевича Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Путешествует автор, а его багаж — весь литературный опыт этого столетия: и классицизм, и сентиментализм, и гнев сатиры, и торжество оды, и гражданский долг, и интимные переживания, и разум, и чувство. Радищев впервые заговорил о том, что у русского дворянства и русской литературы — общий долг, долг перед народом-кормильцем, униженным и бесправным земледельцем. Книга построена как путевые заметки мыслящего и чувствующего человека, совершающего переезд из новой столицы — Петербурга в старую — Москву. Каждая глава названа в честь станции, на которой останавливается карета. В каждой главе содержится какая-то волнующая душу история. Каждая история вызывает у автора размышления, составляющие главное содержание книги. Выводы, к которым приходит автор, оказались такими, что он был приговорен к смертной казни, замененной потом пожизненной ссылкой. Русская литература, начавшая XVIII век с прославления государства, закончила столетие осуждением бесчеловечной государственной системы.

В течение XVIII века наша словесность стала светской и избавилась от многих традиций средневековья, но сохранила главную: говорить истину, стремиться изменить человека к лучшему. Русская литература стала художественной, она узаконила вымысел, чтобы увлечь читателя, чтобы развлекая поучать и поучая развлекать. В этом стремлении она пришла к таким жанрам, как стихотворения разных видов, поэма, повесть, комедия, которые составляют основу художественной литературы. А вот настоящих романов еще не было. Приходилось читать импортные, в основном французские и английские.

XVIII век не создал полноценной художественной прозы. В сознании читателя, да и писателя, продолжало жить убеждение, что настоящая, качественная литература — это когда стихами. Потому что — красиво.

Русская литература первой половины XIX века

«Милый гость романтизм» (А. Бестужев) говорит по-русски

Крупнейшими событиями XIX века, которые отразила русская литература, были Отечественная война 1812 года, восстание декабристов в 1825 году, Крымская война (середина 50-х годов) великие реформы рубежа 50-60-х гг., в том числе отмена крепостного права (1861). И было еще одно вроде бы совсем маленькое, но ставшее очень важным для русской литературы и общества событие — открытие памятника Пушкину в Москве в 1880 году.

Но литература не только отражает внешнюю жизнь. У нее есть собственное развитие, внутренние события. Такими внутренними событиями в русской литературе начала XIX века были борьба за литературный язык и возникновение романтизма.

Литературный язык — это не язык литературы, а система языковых норм, которым мы подчиняемся, когда говорим. Русский язык — это множество местных диалектов, профессиональных и социальных жаргонов, это язык города и деревни, язык устный и письменный, речь образованных и необразованных людей… А литературный язык — это язык для всех, он всем понятен. Чтобы быть понятным, он должен подчиняться общепринятым нормам. Вряд ли вы поймете, что значит глагол «расколебянить» («Ну что ты дверь расколебянил?»). А глагол «открыть» понятен всем. Этот всем понятный глагол становится нормой. «Ложить» или «класть»? Языку все равно, а нам — нет. «Ложить» — это характеристика человека, его речевого бескультурья, хотя, может быть, человек он хороший. Потому что «класть» — норма. Нормы существовали не всегда. В течение всего XVIII века они только складывались, а сложились в пушкинские времена, то есть в 20-30-е годы XIX века. Именно тогда сформировался тот самый русский язык, на котором мы сейчас говорим. Поэзию Ломоносова надо переводить на русский язык, иначе современный школьник ее просто не поймет. А поэзию Пушкина — не надо. И самую большую роль в становлении понятного нам, современного русского языка сыграла литература. Именно она утвердила представление о норме, то есть о том, что можно и что нельзя, что красиво и что нет, что хорошо и что плохо в речи. Рождение литературного языка совпало с рождением романтизма. Писатели-романтики заговорили с читателем понятным, легким языком, похожим на обычную разговорную речь.

Одним из первых познакомил русского читателя с романтическими произведениями поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский. Поэтому многие то ли в шутку, то ли всерьез считали, что своими переводами английских и немецких баллад Жуковский «заразил» Россию романтизмом. Баллады — излюбленный романтиками стихотворный жанр, в котором острый динамичный сюжет строится на роковой тайне. Вы наверняка читали «Лесного царя» или «Светлану», то есть понимаете, о чем речь.

Романтизм — это литературное направление, пришедшее на смену классицизму. Оно означало совершенно новые представления о литературе, искусстве, творчестве, жизни наконец. Главной ценностью для романтиков была свобода человека. Высшей степенью свободы романтики считали творчество, которое подчиняется только вдохновению и не знает никаких ограничений. Романтики часто с иронией изображают реальную жизнь, в которой нет места высоким чувствам и подвигам, а царствуют будни, привычка и скука.

А умище, умище-то куда девать? Александр Грибоедов. Горе от ума

Конечно, романтизм не пришел на место классицизма или сентиментализма, как солдат на место выбывшего из строя. На самом деле «чистых» литературных направлений не бывает. Вот и романтизм «вступал в реакцию» с классицизмом и сентиментализмом, а позже с реализмом. И классицизм, и сентиментализм прекрасно выживали в эпоху романтизма. Дело, в конце концов, не в литературных направлениях, а в литературном таланте.

Одно из самых ярких произведений этого времени — комедия Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума». Комедия странная, как и ее герой — Александр Андреевич Чацкий. Она построена по всем правилам классицизм, герои говорят языком, который и в те времена уже казался устаревшим.

Но в основе ее — романтический конфликт человека и общества. С одной стороны — Чацкий, с другой — все остальные. Напомню сюжет. Чацкий утром приезжает в Москву из какого-то непонятного трехлетнего путешествия. Приезжает в дом уважаемого в Москве чиновника и барина Фамусова, который, между прочим, воспитал сироту Чацкого в своем доме. Но приезжает Чацкий не спасибо сказать, а повидаться с 17-летней дочерью Фамусова. Почему-то он считает, что она влюблена в него и ждет его, ночи не спит. Не спит она, однако, по другой причине. Девочка стала девушкой и полюбила другого. Умный Чацкий никак этого понять не может и не хочет. «Об себе задумал он высоко», то есть полагает, что никто здесь ему и в подметки не годится. Софья ему о своей любви прямо ничего не говорит, и Чацкий начинает раздражаться. К тому же у Фамусова в этот день бал, и дом наполняется гостями. Невольно общаясь с ними, Чацкий злится и в раздражении произносит длинные и скучные монологи. Говорит он в общем-то вполне разумные, правильные вещи:

«служить бы рад — прислуживаться тошно»;«и дым отечества нам сладок и приятен»;«нынче любят *бессловесных*»;«дома новы, но предрассудки стары» (действие происходит в Москве, только что отстроенной после пожара 1812 года);«где, укажите нам, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы?»«чины людьми даются, а люди могут обмануться»;«воскреснем ли когда от чужевластья мод?» и т. д.

Но зачем он это говорит — непонятно. Проповедник из него

никакой. А главное — кому? Гости Фамусова — люди другого мира, для них ум — от слова «умение», это умение приспособиться к правилам жизни, какими бы нелепыми они ни были. Чацкий считает, что время таких людей и такого понимания жизни прошло. Как он ошибся!

В конце концов все успокаиваются, найдя простое объяснение странным речам заезжего гостя: а Чацкий-то — того! В конце комедии Чацкий открывает страшную тайну о Софьином возлюбленном, произносит еще один монолог на тему «Да пошли вы все!» и уезжает навсегда. То есть, как заметил Пушкин, вроде умный человек Чацкий, а ведет себя…

Мудрый, скептичный, ядовитый, несчастный (почему — узнаете) Грибоедов любит своего героя, он думает так же, как Чацкий, — и смеется над ним. Кто такой Чацкий? Нигде не служит и не хочет, хоть и «с министрами знаком». Получил в наследство имение, но заниматься хозяйством ему тошно. К чему он призывает, ради какой великой цели? Можно только гадать или догадываться. Пушкин, прочитав комедию Грибоедова, сказал, что Чацкий считается умным, а ведет себя неумно. Он пытается убедить тех, кого убедить невозможно. Даже очень умным лбом стену не прошибешь. Финал комедии печален: от этой стенки Чацкий отлетает как мячик. Урок он усвоил и больше не вернется. Наивный мальчик, он-то думал, что жизнь можно подчинить здравому смыслу, простым и понятным законам добра и справедливости… Ага, сейчас. Это Россия, детка!

Итак, сталкиваются разные представления об «уме». Для Чацкого ум — это прежде всего свобода от предрассудков и условностей, способность ясно и трезво взглянуть на то, что другим кажется бесспорным. Для остальных персонажей ум — это умение принять условия игры, умение промолчать, подлизаться к сильным мира сего, найти свою выгоду, сделать карьеру. Ум Чацкого — свобода, ум его врагов — хитрость. Чацкий одинок, как всегда бывает одинок романтический герой, и его мысли и поступки кажутся окружающим безумными, а он сам — сумасшедшим. Романтический герой обречен на непонимание, насмешки или злобу окружающих.

Но спор «умов» — это внешнее. За ним стоит конфликт посерьезнее. Это конфликт поколений, «отцов» и «детей». И дело не в том, что Чацкий молод. Можно быть молодым по годам и стариком в душе.

Чацкий — объявлен сумасшедшим, как Дон Кихот. Он терзается сомнениями, как Гамлет. Он «лишний человек», как Онегин. Он вызывающе экстравагантен, как Печорин, и одинок, как Лермонтов. Он презирает «век минувший» и «отцов», как

Базаров. Вот что значит для русской литературы неумный умник Чацкий.

И что интересно: романтическая драма «Горе от ума» написана по законам классицизма.

Национальный проект «Пушкин» и концепт «Onegin»

Предлагаю взять лист бумаги и за 3 минуты составить топ-лист «10 лиц России». Какие имена приходят вам в голову? Александр Невский, Сергий Радонежский, Иван Грозный, Петр Первый, Георгий Жуков, Иосиф Сталин, Юрий Гагарин, Александр Пушкин, Андрей Сахаров, Сергей Королев, Дмитрий Менделеев, Михаил Калашников, Алла Пугачева, Валерий Харламов, Лев Яшин? Кого-то вы можете не знать. О ком-то захочется поспорить. Услышав какое-то имя, посмеетесь, услышав другое — возмутитесь. Но я уверен только в одном: в вашем списке будет имя Пушкина. И спорить о нем даже в голову не придет.

Один знакомый малыш на вопрос, кто написал стихи Чуковского, уверенно ответил: «Пушкин!» И был по-своему прав.

Пушкин — наше всё и главный по литературе. Ничего удивительного. Почти у каждого народа есть главный писатель: у испанцев — Сервантес, у англичан — Шекспир, у немцев — Гёте… У нас — Пушкин. А почему, собственно, Пушкин, а не кто-нибудь другой?

Во-первых, с Пушкина начинается та литература, которую мы можем читать не напрягаясь, без словаря и длинных объяснений. С Пушкина начинается тот русский язык, на котором мы с вами говорим и сегодня.

Во-вторых, Пушкин — не просто гений, а гений вкуса и меры. Его вкус в жизни и творчестве безупречен. У него все в меру: глубина и легкость, ирония и религиозность, патриотизм и вольнодумство, здравый смысл и заблуждения. В Пушкине есть все. Вольнодумец и оппозиционер? Да. Певец империи? Да. Дон Жуан? Не без этого. Примерный семьянин? А как же! Атеист? Было. Глубоко верующий? Конечно. В Пушкине есть всё, и всё — в меру. Бездны духа, кипение страстей — это не про него. А простота и благородство — это Пушкин.

В-третьих, мир Пушкина — это солнечный свет, любовь и тепло. Нет, это не райские кущи, где раздается жизнерадостный смех идиота. Зло, страдания и смерть в этом мире неизбежны, но, значит, так и должно быть. Так устроено кем-то, кто понимает про жизнь больше нас с вами. Значит, и в страданиях, и в смерти есть высший смысл, и все небезнадежно. И даже если за смертью нет воскресения, остается человеческая память об ушедшем. (Это я пытаюсь «своими словами» пересказать так называемую

философскую лирику Пушкина. Лучше, конечно, было бы ее переписать. Не делаю этого, потому что знаю: не удержусь и всего Пушкина перепишу, с черновиками.)

В-четвертых, между Пушкиным-человеком и Пушкиным-писателем нет разницы. Это большая редкость, поверьте. Есть такая поговорка: «Хорошие книги пишут не хорошие люди, а хорошие писатели». Поговорка верная, да только не про Пушкина. Стихи Пушкина прекрасны, потому что их написал прекрасный человек. И это читатель чувствует. Поэтому мы верим Пушкину и входим в Пушкина как в дом родной.

В-пятых… Есть писатели, которые заставляют задуматься, заплакать, рассмеяться, ужаснуться… Пушкин не заставляет и не учит. Пушкин — лекарство от жлобства (извините, другого слова не нашел). Он повышает уровень человечности и прививает благородство.

В-шестых и в-девятнадцатых пусть добавят другие. Нам кажется, этого достаточно, чтобы быть Пушкиным.

Но есть другая загадка «нашего всего». Весь мир знает Гете, Шекспира, Сервантеса. Даже не специалист, а просто в меру образованный человек скажет, что Гете — это «Фауст», Шекспир — «Гамлет», Сервантес — «Дон Кихот».

Пушкин не отметился в мировой литературе ни одним великим произведением. Он не написал «Дон Кихота», «Гамлета», «Фауста». А «Войну и мир» и «Братья Карамазовы» напишут другие.

Зато Пушкин наметил генеральный план русской литературы, по которому она развивается до сих пор. Все, что пишут русские писатели, они пишут, вольно или невольно сверяясь с Пушкиным. Литературные дороги могут идти куда угодно, но точка отсчета одна — Пушкин.

В начале 20-х гг. Пушкин создает ряд стихотворений, наполненных романтическими мотивами, и так называемые «южные поэмы», тоже романтические («Цыганы», «Кавказский пленник» и др.). Романтический герой этих поэм — разочарованный молодой человек, бегущий из душного города, из «света» (под «светом» подразумевалось высшее общество) в мир дикой природы и «естественных» людей. Но такой герой скоро перестает привлекать Пушкина.

В течение 20-х гг. он создает чрезвычайно важное и для русской литературы, и для всего русского общества произведение — стихотворный роман «Евгений Онегин». Сюжет романа легко пересказывается в нескольких строчках. Евгений — богатый бездельник, рано пресытившийся всеми доступными удовольствиями. Ему скучно. Тут кстати подворачивается

умирающий в деревне богатый дядя. Онегин получает наследство и остается в поместье дядюшки, в деревне, чтобы начать новую жизнь. Но и там он не находит избавления от скуки. Развлекают его только дружба с молодым восторженным поэтом — помещиком Ленским и знакомство с сестрами Лариными — Ольгой и Татьяной. Ленский влюблен в Ольгу, Татьяна влюбляется в Онегина, но Евгений на ее чувства отвечает вежливым отказом. Затем между Ленским и Онегиным происходит глупая ссора, закончившаяся дуэлью. Ленский убит. Онегин бросается в длительное бегство-путешествие, из которого возвращается в Петербург. Он по-прежнему не нашел цели и смысла жизни. На балу он встречает Татьяну, которая за это время вышла за муж за достойного человека и из скромной и наивной деревенской девочки стала светской львицей. Только теперь Евгений понимает, что прошел мимо своего счастья. Он влюблен, он забрасывает Татьяну письмами, наконец, решается на встречу. И слышит роковую для себя фразу: «…Я другому отдана и буду век ему верна». Роман окончен.

Пушкин снимает романтическую привлекательность со своего героя, а его разочарованность в жизни называет просто «хандрой» (во времена Пушкина ее красиво называли «сплином», а сейчас — «депрессией». Если сказать про балбеса и лодыря, который валяется на диване, что у него «депрессия», то он превращается в страдальца). Онегин — не романтический герой, он средний, обычный во всех отношениях человек, он раб условий и условностей: воспитания, образа жизни, привычек, общественного мнения и т. д. Он осознает это, но ничего с собой поделать не может. Еще и потому, что «всякий труд ему был тошен». Пушкин рисует национальный характер, который в последующем станет сквозным в нашей литературе. Это характер честного, доброго, мыслящего человека, но характер, пораженный безволием. Для самого Онегина безволие — это трагедия, но невольно он становится источником бед и для других людей: от его руки погибает на дуэли лучший друг, разрушено счастье любящей его девушки. Остается его пожалеть. Но жалеть не за что: перед нами пусть страдающий, но бездельник, причем богатый бездельник. Ну, стихи хоть бы писал. Нет, Бог не дал Онегину никакого таланта.

Странный это роман. К нему можно предъявить множество претензий. В нем явно чувствуется чужеродное влияние: Пушкин, начиная роман, был увлечен английским поэтом Байроном. Характеры героев больше похожи на наброски. Сюжет начинается добротно и подробно, затем его линия начинает напоминать пунктир, а потом и вовсе обрывается без всякой развязки.

Возможно, Пушкин увидел бесперспективность героя и потерял к нему интерес. В жизни Онегина нет цели, а значит — нет и романа.

Как нет цели? А внезапная любовь к Татьяне? Можно фантазировать на тему «Воскресит ли Онегина любовь?» Для Пушкина все ясно. Роман окончен.

А что может быть целью жизни и одновременно мотором сюжета? Оскорбленная честь и жажда мести? Дюма на эту тему вон какой романище накатал — «Граф Монте-Кристо». И Пушкин пробует. «Дубровский» остался неоконченным, и вновь по той же причине — автор теряет интерес к герою-мстителю. На том же мотиве построена повесть «Выстрел». Там герой доводит дело до конца, мстит — и что? И на это положить всю жизнь, не сделав никому добра, только ждать подходящего случая для мести, ждать, а не жить? Дефективный какой-то герой получается. Совсем не похож на благородного графа Монте-Кристо. Про «Пиковую даму» и богатство все знают. Там тоже все грустно.

Прорыв происходит в «Капитанской дочке». Мотивы воде бы те же — любовь, женитьба, честь… А мотива мести нет. Потому что честь — это значит быть честным. Перед собой и Богом.

Вернемся к «Онегину». Он стал первым — еще экспериментальным — русским романом, где Пушкин нашел героя, который станет главным во всей русской прозе, благодаря которому возникнет чудо русского романа. Это герой, который страдает от отсутствия настоящей, высокой цели в жизни, и ни богатство, ни любовь, ни слава этих страданий заглушить не могут. Счастье — быть в ладу с самим собой, со своей совестью. Но как прийти к нему?

В автомобильной промышленности есть такое понятие — концепт-кар. Инженеры создают футуристический образ автомобиля. Они вкладывают в него самые передовые открытия науки, самые невероятные изобретения инженеров, самые сумасшедшие дизайнерские находки. Такой автомобиль собирают и показывают на самых престижных автосалонах. И всякий задается вопросом: когда же это чудо появится на дорогах? Ответ: никогда. На дорогах появятся автомобили, в которых сумасшедшие идеи будут реализоваться потихоньку, помаленьку и при этом они вовсе не будут выглядеть сумасшедшими. А концепт-кар — это автомобиль, демонстрирующий возможности. Ездить ему вовсе не обязательно. Это сравнение для читателей. Для читательниц: никто не будет ходить в платье из новой коллекции кутюрье. Идеи не носят, а демонстрируют.

Вот и Пушкин создает концепт-роман «Евгений Онегин». В нем заложено почти все, что станет фирменным стилем

классического русского романа.

Главный герой (Онегин) — человек в сущности хороший, но не нашедший цели и смысла жизни, потому что цель и смысл не сводятся к материальному благополучию. Это герой, понимающий и переживающий несовершенство жизни, но не способный выстроить другую, хотя бы свою жизнь.

Идеальная героиня, рядом с которой герой или осознает свое жизненное поражение, или находит силы переступить через себя прежнего, начать новую жизнь (позже эту героиню назовут «тургеневской девушкой», хотя в первом воплощении ее зовут Татьяной Лариной).

Мотив дороги: в «Евгении Онегине» вроде бы его нет, но Пушкин написал главу «Путешествие Онегина», которую по каким-то причинам не включил в окончательный вариант романа.

«Дуэльный эпизод», причем дуэль выглядит не героическим, а глупым и страшным поступком. Потому что мужество — это отказ от дуэли. Человек на дуэли — раб условностей, общественного мнения, ложных представлений о чести.

Размытый финал, в котором нет привычной развязки и результата — женитьбы, богатства, торжествующей добродетели и поверженного зла.

Но роман Пушкина был, можно сказать, слишком экспериментальным и не стал мировой классикой. Онегин остался довольно бледной фигурой неудачника на распутье.

Может быть, такое впечатление складывается потому, что мы смотрим на «Евгения Онегина» с высоты великих романов Тургенева, Толстого, Достоевского, Булгакова, Шолохова. Они-то Пушкина читали, а он их — нет. Что ж, зря мы читаем и изучаем «Евгения Онегина» в школе? Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Но я точно знаю, что в нем самое главное и самое интересное. Это сам Пушкин, предстающий перед нами в так называемых «лирических отступлениях». На самом деле лирические отступления — это второй сюжет романа, показывающий нам прекрасного, даже в ошибках своих и заблуждениях, человека. Человека, который честно и просто говорит с нами как с друзьями, и мы забываем, что нас разделяют два века. О чем говорит? Обо всем.

Пушкин, попрощавшись с Онегиным и «Онегиным», расстается и с собой прежним.

В 30-е годы Пушкин ставит важнейшие художественные задачи. Его основная тема — человек и история. Каково место человека в «большой» истории, полностью ли зависит его судьба от внешних обстоятельств, от великих и грозных событий — или все же человек способен сохраниться в них как личность? Эта

проблема решается в стихотворной повести «Медный всадник» и романе «Капитанская дочка». В «Медном всаднике» (название подразумевает известный памятник Петру Первому) изображается наводнение, обрушившееся на Петербург. Нева, когда-то по велению Петра закованная в гранит, не смирилась с человеческой волей и взбунтовалась. «С Божией стихией царям не совладать». Герой поэмы — «маленький человек» Евгений («Евгений», кто не помнит, означает «благородный»). В наводнении он теряет невесту. Евгений считает виновником своей беды Петра: это он построил город, подверженный ударам стихии, построил его как символ государственной мощи, а не для удобства и жизни людей. Но Евгений бессилен и перед бунтом природы, и перед гением Петра, и это становится причиной безумства и гибели героя.

Но так ли уж мал и беззащитен «маленький человек»? В романе «Капитанская дочка» изображена не природная, а историческая стихия — крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева. В нее вовлечены юный офицер царской армии Петр Гринев и его возлюбленная Маша Миронова. Но им удается выстоять в волнах этой жестокой исторической бури. В любых обстоятельствах, перед лицом любой опасности они руководствуются тем, что дороже жизни и сильнее страха смерти, — честью. Именно следование законам чести, по мысли Пушкина, определяет «самостоянье человека — залог величия его». Велик не тот, кто правит миром, а тот, кто в испытании жизнью сохранил честь, достоинство, не предал любви и дела, которому служит. Так говорит Пушкин.

В ходе работы над романом «Капитанская дочка» и циклом рассказов «Повести Белкина» Пушкин создает образцовую реалистическую русскую прозу.

Чем различаются романтизм и реализм? Иногда реализм ошибочно путают с правдоподобием. На самом деле разница между романтизмом и реализмом состоит в принципиально различном отношении к изображаемому миру. Зрелое пушкинское творчество — это не романтическое отрицание, а утверждение, восприятие мира таким, каков он есть, это мудрое понимание того, что в нем добро и зло, жизнь и смерть взаимосвязаны, и в этой взаимосвязи есть какой-то высший смысл, это загадка человеческого существования, которую надо попытаться разгадать: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу».

Пушкин существует для нас. Иностранец знает Толстого, Достоевского, Чехова, более продвинутый — Гоголя, Булгакова. Пушкина среди них нет. Ничего удивительного. Во-первых, поэзия малодоступна для иностранного читателя, оценить ее он не

может. Во-вторых, Пушкин не «отметился» большим романом в прозе, разве что «Капитанской дочкой». Есть, возможно, и другие причины. А для нас он — «наше всё» и «начало всех начал».

Пушкин наметил пути развития русской лирики и русской прозы, по которым и сегодня идет русская литература, поставил смысловые задачи, которые стали для нее «вечными» темами. Пушкин — ее камертон. Впрочем, не только литературы. Читайте Пушкина — не будете фальшивить.

В истории России самый удачный национальный проект — это проект «Пушкин».

Лермонтов и Лермонтов

В истории русской поэзии сложилось так: первое место занимает Пушкин, второе Лермонтов, а все остальные — третье.

Когда говоришь о Лермонтове, хочется начать со слов «Если бы…» За неполные 27 лет жизни Лермонтов сделал очень много. Но сколько бы он сделал, если бы… Представьте себе Лермонтова 80-летним! Он мог бы писать при электричестве, дружить с Тургеневым и Толстым и читать Чехова!

В 27 лет Пушкин еще не окончил «Онегина», не написал «Медного всадника» и «Капитанской дочки», не сочинил свои волшебные сказки. И вы не учили бы наизусть «Я вас любил…» и «Памятник».

Лермонтов не дожил до 27. Когда читаешь Лермонтова, испытываешь странное ощущение. Словно в одну и ту же телесную оболочку вселяется то ангел, то демон.

Лермонтов — демон!

В отличие от жизнеутверждающей поэзии Пушкина, лирика Лермонтова построена на отрицании. Даже признание в любви у Лермонтова начинается так: «Нет, не тебя так пылко я люблю!» Какой девушке это понравится? Дальше поэт объясняет, что он любит в ней свое «прошлое страданье», свою «молодость погибшую», а также вспоминает подругу «юных дней». Но девушка, видимо, этого уже не услышит, потому что убежит от поэта после первого четверостишия. Возможно, Лермонтов рекордсмен по количеству «нет» и «не» в поэзии. Лермонтов-демон всегда одинок. Ибо горд и презирает людей. Подборка самых знаменитых стихотворений Лермонтова начинается с «Паруса». А «Парус» начинается со слов «Белеет парус одинокий…» Заканчивает подборку стихотворение «Выхожу один я на дорогу…», написанное незадолго до смерти. «Одинокий», «один». Не случайно же, не правда ли? Лирический герой поэзии Лермонтова — словно бы мятежный падший ангел, отверженный и свергнутый Богом с небес. И сюда, на землю, он принес демонизм, гордыню, одиночество, стремление любить и невозможность быть любимым, тяга к людям и презрение к ним.

Лермонтов — ангел!

В его демонизме есть что-то возрастное, юношеское. Смотрите, какой я не такой, какой глубокий, какие во мне бездны духа разверзаются! Ну кому это не знакомо? Но Лермонтов потому и гений, что чувствует ограниченность, бесплодность и пустоту отрицания. Невозможно жить без любви. И в его поэзии все сильнее звучат другие мотивы. Любовь к «простому человеку», любовь к Богу и его творению — прекрасному миру, стремление найти успокоение в религиозном чувстве, воспоминания о безмятежном детстве. И, наконец, именно Лермонтову удалось сделать то, что не удалось даже Пушкину. Он написал стихотворение «Родина». Оно тоже начинается с отрицания, но заканчивается таким проникновенным, простым и глубоким признанием в любви к этой тихой и скромной земле. В этих стихах — начало всей русской лирики о родине.

Лирика Лермонтова разнообразнее, глубже, изощреннее пушкинской. Несомненно, и прозу бы (опять «бы») он поднял на новый уровень. Важной для всей русской литературы была попытка Лермонтова создать психологический роман («Герой нашего времени»), в котором воплотился противоположный, но родственный Онегину тип человека — человека, наделенного и интеллектом, и волей, но не «угадавшего» своего высокого предназначения. Это была гениальная, но попытка. Если бы впереди была целая жизнь! Если бы…

Пушкинский Онегин, не найдя цели в жизни, томится от скуки. Лермонтовский Печорин из «Героя нашего времени» неистово ищет высокую цель своей жизни. Она непременно должна быть, ведь какой смысл жить на свете, если не видишь смысла в существовании? Он бросается в невероятные приключения, рискует, испытывает себя в разных ситуациях: в любви к дикарке-горянке, в бою, на дуэли, он ворошит разбойничье гнездо и исповедуется в своем дневнике. Но везде его ждет разочарование. Потому что ищет он не так и не там. Потому что нет в нем любви и уважения к людям. Он так и не доживет до понимания, что смысл жизни — в жизни для других. Это поймут другие герои русской литературы.

Гоголь, или Редкая птица долетит до середины «Мертвых душ»

С Гоголем у нас все плохо.

Изучение литературы в школе часто отбивает всякую охоту читать классику, а Гоголя особенно. Не хочу обидеть учителей, сам учитель. Причин много, и говорить о них неинтересно. Что мы знаем о Гоголе? Что иногда он писал страшно («Вий»), иногда занятно («Тарас Бульба»), но всегда непонятно. Что касается «Мертвых душ» и гоголевского юмора, то здесь вообще катастрофа. Какой такой у Гоголя юмор, школьник искренне не понимает. И я его понимаю.

Вы видели портреты Гоголя и заметили, что нос у него был длинный. И свой длинный нос Гоголь совал всюду. Россию-Русь он знал прекрасно. И в этом знании много печали. Но это печальное знание принимает в произведениях Гоголя такие необычные, такие странные, такие фантастические формы, что они сбивают с толку читателя.

Гоголь создает свой мир, похожий и не похожий на реальный. Это мир, населенный людьми, но лишенный живой человеческой души. Тоска по ней выражается в своеобразном юморе, который Гоголь определил как «видимый миру смех сквозь невидимые миру слезы». Произведения писателя переполнены вещами — описаниями природы, предметами быта, одежды, гастрономическими блюдами, строениями, но среди них не находится места человеку. Живой человек, способный на сильные чувства и решительные поступки, может появиться лишь за пределами реальной жизни: в мире сказки («Ночь перед Рождеством») или в легендарном героическом прошлом, которое тоже похоже на сказку («Тарас Бульба»). В современности нет места душе. Ее подменяют чины, мундиры, деньги — все, что помогает человеку казаться, а не быть.

Поиск живой души приводит Гоголя к главной книге его жизни — поэме «Мертвые души». Название двойственно. Во-первых, оно относится к сюжету. Мошенник Чичиков разъезжает по губерниям и скупает у помещиков «души» (крепостных крестьян). Афера заключается в том, что купленные крестьяне умерли, но по документам, формально, числятся еще живыми, и их можно продать или заложить. Во-вторых, мертвые души — это персонажи поэмы, чиновники и помещики, чьи тела живы, они ходят, говорят, едят, пьют, — но души мертвы. Гоголь задумывал большой труд — «поэму», в которой бы в конце концов жизнь

восторжествовала над смертью и души воскресли, но написал лишь первый том. Он так и не смог увидеть в жизни и создать художественный образ положительного героя — идеального человека с живой душой.

Мир Гоголя необычайно смешной. Сказав это, автор, то есть я, замечает, что оказался в тупике. Попробуй докажи, что смешного в «Мертвых душах» и в мертвых душах. Объяснять, в чем юмор и где надо смеяться, — самое неблагодарное и самое бесполезное дело. Это как вопрос в учебнике: «Что показалось вам грустным, а что смешным в этом произведении?» Представления не имею, как можно на него ответить.

Чтобы объяснять читателю такие трудные вещи, советовать, что достойно чтения, а что нет, существует литературная критика. Литература выросла и усложнилась так, что потребовался посредник между ней и читателем, своего рода профессиональный читатель, который оценивает новые литературные произведения. Основы русской литературной критики заложил Виссарион Григорьевич Белинский. В течение XIX века критика развивалась в двух направлениях. Первое направление — это «эстетическая критика», которая выявляет смысл художественного произведения и доносит его до читателя. Второе — это «реальная критика», которая говорит не столько о произведении, сколько о жизни, которая в этом произведении отражена. Тогда критика становится публицистикой — оценкой не литературных, а жизненных явлений.

Русская литература второй половины XIX века, или Роман по-русски

Во второй половине XIX века в литературе закрепляются основные «специализации»: проза, поэзия, драматургия, критика. После долгих лет господства поэзии на первое место выходит проза. А самые большие достижения русской литературы этого времени связаны с жанром романа. Именно роман вывел русских писателей в первый ряд мировой литературы. Русский роман создал новый тип героя и новый тип конфликта. Это не столько внешний конфликт — героя со средой, сколько внутренний — героя с самим собой, хорошего «я» с плохим «я». Герой русского романа ставит перед собой не материальные, а духовные задачи, главная из которых — жить хорошей жизнью, то есть в согласии с совестью. В этом была новизна русского романа. В западноевропейском романе, выросшем из авантюрной литературы, персонажи действовали в соответствии с обстоятельствами, то есть подчинялись внешнему конфликту. Проще говоря, в западноевропейском климате «Преступление и наказание» превратилось бы в «Историю одного преступления». А в романе Достоевского после преступления все только и начинается. В русском романе герой действовал, чтобы преодолеть внутренний, духовный конфликт. Поэтому сюжет русского романа не такой увлекательный, более размытый. Зато русский роман приобретает психологическую глубину и философскую напряженность.

Выдающимися романистами второй половины XIX века были Иван Сергеевич Тургенев, Иван Александрович Гончаров, Федор Михайлович Достоевский, Лев Николаевич Толстой, Николай Семенович Лесков.

Кто знает людей, тот любит собак. Тургенев

Если бы Тургенев не был писателем и знал, что такое экология, он был бы экологом. Но науки экологии тогда еще не было, и свою страстную любовь к природе Тургенев выражал в книгах и охоте. Но мы-то с вами про экологию знаем. О чем она нам говорит? О том, что природа живет по своим незыблемым законам, и нарушать их — гибельно. Человек — дитя и часть природы. Разумная, но часть. А если человек разумен, то он должен понимать, что всему свое время, что за цветением наступает осень, что все новое — продолжение старого, что дети хотят жить своим умом, пока у них самих не появятся дети. А главные события в жизни человека — любовь и смерть — не зависят от его воли и желания…

В романах Тургенева отразились самые острые моменты бурного времени 50-60-х гг. XIX века, когда русское общество переживало реформы: крестьянскую, судебную, земскую и т. д. Разрушался прежний уклад жизни. Идею разрушения воплотил в себе герой самого известного романа Тургенева «Отцы и дети» — Евгений Базаров. Это сильная личность, стремящаяся подчинить своей воле и разуму всю окружающую жизнь. Но законы жизни — любви, смерти, смены поколений — оказываются сильнее. В борьбе с ними гибнет Базаров. «Все проходит, и все возвращается к своему началу», — словно бы говорит автор, но в то же время признает, что такие, как Базаров, не дают жизни застояться и заглохнуть, без таких человечество было бы серой унылой массой.

Поскольку после отмены крепостного права мы никак не можем остановиться и постоянно что-нибудь свергаем и реформируем, то роман Тургенева — деликатное предупреждение нам. Хорошо еще, что Базаров действительно честный и умный человек. А если проходимец?

Тургенев ищет и находит новые формы романа. Его излюбленный прием — так называемая «зеркальная композиция». То есть роман делится на две симметричные половины, но только то, что было правым в первой части, становится левым во второй. В переносном смысле, конечно. В первой части «Отцов и детей» мы, казалось бы, уже все узнали о герое. Но во второй мы узнаем его вновь, с неожиданной стороны. В первой части мы видим Базарова-победителя: человека, который гордится, что «сам себя воспитал», человека для которого нет тайн и загадок и прочей «романтической чепухи», вроде любви или красот природы,

который безусловно превосходит всех окружающих силой ума и жизненной хваткой, который уверен в своих силах и готовит себя к какой-то известной только ему великой деятельности. А во второй мы видим Базарова страдающим и сомневающимся. Он отрицал любовь, считал ее стыдливым прикрытием «основного инстинкта» — и вот любовь настигла его. Он видел себя властителем дум (или диктатором?), изменяющим течение жизни, — а жизнь упрямо течет по-прежнему руслу. Он расписал и распланировал свой путь на годы вперед — но без приглашения, не в срок пришла хозяйка-смерть, и великие планы растаяли как дым…

Но мы любим Тургенева не только за его романы. В благодарной памяти школьного народа он навсегда останется автором рассказа «Муму». Сколько слез пролито над его страницами, особенно последними! Сколько анекдотов рассказано! Сколько раз мне приходилось отвечать на вопрос: «Почему Герасим не ушел в деревню вместе с собакой?» И я отвечал: «Потому что Герасим — крепостной!» — «А почему он тогда ушел в деревню без разрешения?» То есть дети рассуждают здраво: собачку утопил по приказу, а ушел без приказа. Неувязка получается. Я объяснял, что эта дура барыня не приказывала топить несчастного спаниеля, она приказала, «чтобы ее сегодня же здесь не было». На то, чтобы собаку убить, намекнул дворецкий. Герасим понял это как повеление барыни. И он исполнил ее приказание. Но разве он уходит от нее? Он уходит в деревню, которая принадлежит барыне, он остается ее крепостным. Герасим — фигура символическая. Он олицетворяет народ — могучий, но безгласный, способный на подвиг, но неспособный на протест, он нем и страшен — как природа, он переполнен добром и любовью — как природа, он беззащитен и жалок — как бык на бойне, как Муму.

Одно «О» из трех. Гончаров

Тургенев писал короткие романы. И мы ему за это признательны.

Толстой и Достоевский писали длинные романы.

Гончаров писал длинные и… Нудные — звучит обидно. Ладно: длинные и медленные романы. Есть такая запоминалка: Гончаров написал три романа, и все три начинаются на «О»: «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв». Самый известный роман — «Обломов». Вы знаете слово «облом» и легко догадаетесь, что жизнь главного героя не заладилась.

Герой романа Гончарова «Обломов» Илья Ильич — человек с тонкой любящей душей, остро чувствующий поэзию жизни. Но он — настоящий русский барин, беззащитный перед действительностью, не находящий ни воли, ни силы, ни смысла в практической, полезной деятельности. Его друг и антипод (полная противоположность) — Андрей Штольц безуспешно пытается пробудить Обломова от спячки. Штольц — человек дела. Он целеустремлен, трудолюбив и в то же время благороден. Но ни его усилия, ни требовательная любовь Ольги Ильинской не способны обратить Обломова к деятельности. Гончаров не торопится расставить знаки: Штольц — положительный герой, а Обломов — отрицательный. У Обломова есть своя правда. В то время как все учат его, КАК жить, он пытается понять, ЗАЧЕМ жить. И никто, даже Штольц, не может ему объяснить, в чем же смысл той кипучей, «полезной» деятельности, к которой он его призывает. Да и сам Штольц в финале романа ощущает, что в погоне за жизненным успехом утрачено что-то важное, без чего невозможно счастье. Роман Гончарова — это его реплика в вечном споре о пути России, о причудливом и противоречивом переплетении Запада и Востока в русском национальном характере.

Спасите мир от спасателей мира! Достоевский

Мне кажется, что Достоевский все время пытался написать «роман с продолжением». То есть очень увлекательный, «с тайной». Набор тайн стандартный: 1) тайна рождения, 2) кто убил, 3) куда деньги деваются. Желательно с юмором. Роман с продолжением — это произведение, которое печатается отрывками в литературном журнале. Значит, надо сохранять интригу до конца. Если роман увлечет читателей, то тиражи журнала растут. С юмором у Достоевского получалось тяжеловато, а вот детективный сюжет он использует почти всегда. Непредсказуемости произведению добавляет использование в сюжете азартных игр. И, конечно, «роковая любовь» — куда ж без нее?

Чтобы держать читателя в напряжении, для «романа с продолжением» мало одной интриги, нужны еще «перипетии» — неожиданные повороты, усложняющие сюжет. Например, в романе «Преступление и наказание» молоденький рабочий вдруг признается в убийстве, которого не совершал. Этот «нежданчик» сбивает с толку и следствие, и читателя. А еще герои Достоевского — очень разговорчивые ребята. Они ходят из дома в дом и разговаривают, разговаривают, разговаривают… И в каждом разговоре они пытаются доискаться до истины: зачем живет человек на свете, в чем его вера и кто кому чего сказал, какое при этом у него было выражение лица, и вообще — что он имел в виду, когда говорил. Дело это, как известно, затратное и безрезультатное. Очень любят герои Достоевского выворачивать душу наизнанку, а также долго и подробно излагать свои взгляды на мир. У каждого своя «теория». Читать эти бесконечные диалоги и монологи довольно тягостно. Однако во всем мире Достоевского ценят за «психологию», за то, что он «проник в тайники души». Благодаря популярности Достоевского, многие иностранцы уверены, что все русские — Раскольниковы, Карамазовы и Настасьи Филипповны, то есть такие глубокие, страстные и непредсказуемые, что лучше от них держаться подальше.

В произведениях Достоевского почти нет пейзажей. Действие происходит в помещении, часто очень неприглядном: в грязном душном трактире, в убогой каморке, на каторге, в номере дешевой гостиницы…

Да, все так. Но почему же тогда Достоевский — один из

самых читаемых в мире писателей? Потому что его сюжеты и его герои отвечают не только на вопрос, кто и за что убил или кто на ком женился. Это всего лишь интрига. А тайна, которую разгадывают герои Достоевского и он сам, разгадывают ценой ошибок и страданий, — это тайна веры. Во что верить, когда верить, кажется, уже не во что? А жить без веры нельзя.

Герои романов Достоевского живут одновременно в двух мирах — в реальном мире и в мире идей. Русский человек, по слову Достоевского, «широк»: в нем сочетаются и «бездны», и высоты духа, и любовь к ближнему, и презрение к человечеству. Так же двойственны и «идеи», которым страстно преданы герои: они одновременно могут быть и благородными, и бесчеловечными. Герой романа «Преступление и наказание» Родион Раскольников выстраивает безупречную теорию, по которой преступление во имя высокой цели морально оправдано. Он идет на чудовищный эксперимент, на убийство, чтобы доказать себе, что он, Раскольников, — именно тот сверхчеловек, который избавит мир от зла, а значит, ему не грозят нравственные страдания убийцы. Но вся его жизнь после преступления превращается в сплошное наказание. Раскольников испытывает нравственные муки, они усиливаются тем, что он сознает, что никакой он не сверхчеловек, а обычный, слабый. И не может понять, что эта слабость — на самом деле сила. Сила скрытой в нем, задавленной, но живой человечности. Однако до конца он верит в безошибочность своей теории. И она действительно не может быть опровергнута логическими доводами. Она опровергается тем, в чем нет никакой логики, — верой и любовью.

Избавьте нас от спасателей мира. Мир спасет Спаситель. И другого пути, и другой веры, другой «теории» — нет. Так говорит Достоевский.

Он первым в литературе нового времени вводит в идейно-художественную ткань произведения христианско-православное, религиозное чувство, и оно становится высшим судьей в бесконечных идейных спорах его героев. В своих романах Достоевский создает образы героев — носителей христианской морали, которые не словами, а своей жизнью доказывают ее высшую правоту. В романе «Преступление и наказание» это Соня Мармеладова, «вечная Сонечка» — символ самопожертвования во благо ближнего. Такой герой должен выглядеть в глазах окружающих как дурачок, юродивый, блаженный, идиот.

Именно так — «Идиот» — называется роман Достоевского, в котором этот герой становится центральным. Князь Мышкин болен, ненормален, так его и воспринимают окружающие. Однако

весь ход романа приводит читателя к мысли, что на самом деле болен весь мир, погрязший в грехах корыстолюбия, гордыни, суетности, торгашества. И нормален лишь «идиот», живущий по законам любви и совести.

Итоговым произведением Достоевского становится роман «Братья Карамазовы». Как и большинство произведений писателя, он построен на детективной интриге. При загадочных обстоятельствах убит Федор Карамазов. У него четверо взрослых сыновей, из них трое законных — Дмитрий, Иван, Алексей и внебрачный — слуга Смердяков. Вопрос «кто убил?», как всегда у Достоевского, перерастает в вопрос о мотивах, причинах преступления. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным: никто не виновен, и виновны все. Четыре брата — это словно четыре ипостаси (стороны) единого национального, русского характера, в котором есть все: и мерзость падения, и высота святости, и желание осчастливить мир, и безмерное честолюбие, и чувственность, и жертвенность…

Хотя Достоевский всегда имел в виду русского героя, во всем мире его произведения воспринимаются как глубочайшее исследование человеческой души вообще, как отрицание всякой идеологии, построенной на насилии над человеком, как страстное отрицание тезиса «цель оправдывает средства».

Россия — родина слонов. Лев Толстой

Если у Достоевского с юмором было не очень, то у Толстого — очень не. Даже если какой-нибудь герой Толстого и пытается пошутить, то выходит это неуклюже и тяжеловесно. Да, не расположен был Толстой к юмору ни в жизни, ни в книгах. Очень серьезно ко всему относился. Так он был устроен. Как танк.

Если в романах Достоевского время сжато до нескольких недель или месяцев, а действие сосредоточено в ограниченном пространстве и представляет собой напряженные до предела диалоги, то проза Л. Толстого охватывает огромные пространства и целые годы, а то и десятилетия. К такой прозе подходят определения «эпический размах», «широкое дыхание». Но духовная жизнь его любимых героев так же глубока и выходит за пределы личного существования. Главный мотив их жизни — поиск ответа на вопрос, как надо жить, чтобы «жить хорошо». Инстинктивная тяга к хорошей, а не дурной жизни заставляет их пройти путь падений и подъемов. Стремясь к личному счастью, они в конце концов понимают, что оно невозможно лишь как счастье для себя.

В романе «Война и мир» изображен один из самых важных этапов русской истории. Это начало XIX века, главным событием которого стала Отечественная война 1812 года. Роман создавался спустя полвека после описанных событий и может быть назван историческим. Но Толстого волнует не ход истории, а путь духовных исканий героев. Роман строится на сопоставлении жизненных дорог Андрея Болконского и Пьера Безухова. Оба осознают неправильность своей жизни, и оба стремятся найти высший смысл существования. 1812 год становится для обоих решающим.

Болконский погибает на Бородинском поле. Его прекрасная, небесная душа так и не смогла преодолеть замкнутости одинокого, гордого существования, брезгливого отношения к земной жизни с ее сором. Лишь в последние мгновения он испытывает чувства освобождения и любви. Но эти чувства приходят вместе со смертью.

Пьер Безухов тоже вступает в 1812 год в состоянии глубочайшего кризиса. Он тоже близок к гибели, тоже проходит путь страданий. Но в своем поиске смысла жизни он усваивает главный урок войны 1812 года: счастье состоит в отказе от эгоистичного, замкнутого существования, оно — в единстве с миром и народом, в самой жизни, а не в размышлении о жизни.

Прием сопоставления судеб Толстой применяет и в романе

«Анна Каренина». На первый взгляд, это роман более интимный. В нем изображается не событие общенационального, мирового значения, как в «Войне и мире», а всего лишь поиск героями семейного, личного счастья, счастья в любви. Оба главных героя — и Анна Каренина, и Константин Левин — принадлежат к высшему, аристократическому слою общества.

В жизнь Анны, уже замужней женщины, матери, входит любовь к Алексею Вронскому. При ее искренности, правдивости лгать и притворяться невыносимо. Пройдя все испытания, страдания, осуждение, она расходится с мужем и соединяется с любимым человеком. Но счастье оказывается по-прежнему недостижимым, и потому так трагичен финал ее жизни.

Как и Анна, близок к самоубийству и Константин Левин. И тоже тогда, когда, казалось бы, уже нет никаких препятствий: Левин женился на любимой девушке, он занят любимым делом, появился ребенок. Причина кризиса та же: того счастья, которого он ждал, нет. И снова Толстой показывает, что счастье, ограниченное личным, частным существованием, невозможно в принципе, оно неминуемо обернется трагедией, пусть даже семейной. Левин сумел найти свою формулу если не счастья, то правды жизни: жить для других — значит жить для Бога, жить для Бога — значит жить для себя.

Всю жизнь Толстой вел дневник. Он дотошно и придирчиво анализировал себя, свой характер, поступки. И книги Толстого — тоже дневник. Только в нем Толстой изображает не себя, а героев. Но каждый значимый персонаж — это часть Толстого, какая-то грань его души. Автопортрет Толстого складывается из портретов его героев. Пьер Безухов — это Толстой в поисках «себя хорошего», в борьбе «с собой дурным». Андрей Болконский — это Толстой с его непомерным честолюбием, даже гордыней, желанием славы, с его брезгливостью к житейской нечистоте. Наташа Ростова — это Толстой с его страстной, почти звериной любовью к жизни и к живому, стремлением не упустить ни одно мгновение, наполнить его радостью. Страстный охотник, силач, спортсмен, лошадник — Толстого просто переполняет энергия жизни. Он испытывает физическую радость от первых, лилово-желтых цветов в лесу, от косьбы и запаха сена, от борзой охоты на замерзшем лугу, от гибкости и красоты юного тела… Марья Болконская — это Толстой с его поиском веры, чувством долга, честностью.

Ну, а сходство Константина Левин из «Анны Карениной» с Толстым даже не обсуждается.

И Толстой, и Достоевский, несмотря на всю разницу своих убеждений и литературных индивидуальностей, вырабатывают

общий для русской литературы нравственный закон: невозможно быть счастливым одному, когда рядом страдает другой.

И еще из школьной программы

Своей дорогой шел в русской прозе Николай Лесков. Его творчество настолько оригинально, что никак не укладывается в общее направление, или, говоря современным языком, в литературный мейнстрим XIX века. У Лескова все с вывертом, все не как у людей: и язык, и сюжеты, и герои. «Чему учат произведения Лескова?» Тому, что все так и не так, как на самом деле. Маленький рассказ «Левша» — одно из «школьных» произведений. Написанный головокружительным языком, он повествует о тульских фабричных мастерах, которые сумели подковать заводную танцующую блоху, сделанную английскими мастерами. Утерли нос англичанам! Так-то оно так, только блоха с тех пор не танцует: подковы слишком тяжелые, и она лапки поднять не может. Утерли нос англичанам?

Формирование национального русского театра произошло благодаря драматургии Александра Островского. В его многочисленных пьесах перед зрителем раскрывается мир русского купечества, мир столичной и провинциальной сцены. Долгое время Островский считался изобразителем ушедшей жизни, однако сегодня его произведения вновь возвращаются к зрителю, потому что проблемы, которыми живут его герои, оказались вполне современными: деньги и честь, деньги и искусство, деньги и любовь.

Незаслуженно отодвинута во второй ряд проза Всеволода Гаршина. У его героев «низкий болевой порог», то есть обостренное восприятие жестокости и несправедливости жизни. Для пациента психиатрической больницы символом мирового зла становится красный цветок, растущий в саду. Рассказ так и называется — «Красный цветок». Красный — потому что он вобрал в себя всю пролитую на несчастную землю человеческую кровь. И безумец срывает и прячет цветок на груди, чтобы избавить мир от зла. И погибает от его непомерной тяжести, но «лицо его было спокойно и светло».

Поэзия второй половины века оказалась в тени гениальной прозы. Но и ее достижения были выдающимися.

В это время доступной читателю становится поэзия Федора Тютчева, начавшего свой путь в литературе еще в пушкинское время. Его короткие стихотворения обычно относят к так называемой философской лирике. За внешней гармонией и красотой скрывается «бездна». За умиротворяющей красотой природы — хаос, за разумностью человека — слепые, губительные страсти. «О, как убийственно мы любим, Как в

буйной слепоте страстей Мы то всего вернее губим, Что сердцу нашему милей!»

Если Тютчев видит в жизни природы и человека скрытую трагедию, то Афанасий Фет сосредоточивается на светлых, прекрасных мгновениях. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» — как бы говорит он каждым своим стихотворением. Счастье и красота мгновенны и невыразимы. Фет стремится выразить невыразимое и создает новый, неслыханный по смелости поэтический язык.

Поэзия Николая Некрасова — это прежде всего поэзия Гражданина. Лирический герой Некрасова скорбит о судьбе народа, стыдится за проявления малодушия в борьбе за справедливость, восхищается крестьянином-тружеником, воспевает женщину-мать — образец любви и самопожертвования. Эти и другие мотивы некрасовской поэзии соединяются в его поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Во второй половине XIX века русская литература стала литературой мирового значения. Она поломала привычные представления о том, каким должен быть роман, смело наполнила его философско-религиозными размышлениями, напряженными этическими исканиями, создала новый тип героя — человека противоречивой, безмерной и страстной в стремлении к добру, правде и красоте души.

Подведем итоги. Россия стала империей. Империи полагается нация, то есть народ, объединившийся вокруг славного отечества, царя-батюшки, истинной веры. Нации полагается национальная культура. Без литературы не может быть настоящей национальной культуры. Такая литература в России появилась в XIX веке. Это великая литература.

Может рухнуть всё: империя, царь, вера.

А литература останется.

Вот она и осталась.

Тихий бунтарь. Антон Чехов

Чехов вывел русскую литературу из XIX века в XX. Дело даже не в том, что Чехов писал в конце одного столетия и в начале другого. Он сделал литературу другой, не такой, как прежде.

Литература XIX века была дворянской. «Главные» писатели, классики, почти все были дворянами. И герои их произведений были дворянами. Даже тургеневский Базаров, которого в учебниках называют демократом, и тот был дворянином. И Онегин, и Гринев, и Печорин, и Болконский, и Обломов, и Раскольников, и Мышкин… Дворянство, как вы знаете, было привилегированным сословием, и дворянин мог позволить себе жить духовной жизнью, а не махать весь день лопатой ради куска хлеба. Потому и приходили ему в голову разные высокие мысли о добре и зле, о смысле жизни и Боге, потому и рождались бредовые идеи, как спасти мир или осчастливить человечество посредством топора. Для этих героев как бы не существует быта. Мои ученицы, посмотрев фильм «Война и мир» или что-нибудь из той же эпохи, настойчиво спрашивают: как они там платья-то свои стирали? Писатели об этом умалчивают. А героев это вообще не интересует, потому что они не стирали, у плиты не стояли, дрова не кололи. Они ж дворяне. Такой герой не выживает, а живет, и жизнь его наполнена высоким смыслом.

Зато герой-дворянин все время думает о народе. Что такое «народ» в русской литературе? Это крестьянство. Крестьянство живет правильной и праведной жизнью. Потому что: 1)крестьянство — это большинство населения, а большинство всегда право; 2) крестьянин ближе к природе, природа облагораживает, а цивилизация портит; 3) крестьянин трудится, а дворянин или служит неизвестно чему и зачем, или не работает вообще; 4) крестьянство создало свою, народную культуру, а дворянская культура наполовину нерусская, молодая и с сомнительными «идеями»; 5) крестьяне верят в Бога не головой, а сердцем, именно в крестьянской среде живо истинное, чистое, по-детски наивное христианство; 6) крестьянин — кормилец, основа существования государства вообще и отдельно взятого дворянина в частности. Ну и так далее. Поэтому совестливый герой русской литературы постоянно испытывает чувство вины перед народом, стремится приобщиться к крестьянской жизни (это называется «припасть к живительным истокам»), а то и вовсе уходит «в народ». В слиянии с народной жизнью находят спасение герои Толстого и Достоевского.

Чехов порвал с этими традициями. Никакой вины он

испытывать не мог, потому что не был потомственным дворянином, а был сыном мелкого лавочника и внуком крепостного. Нет чувства вины перед народом — нет его идеализации.

Его герои по уши погружены в быт, причем независимо от сословия. Их жизнь — это борьба с засасывающей силой житейского болота, за то, чтобы оставаться Человеком в любых условиях, чтобы сохранить веру в высшее предназначение вопреки пошлости. Если вы еще не читали, то очень скоро прочитаете маленький рассказик «Студент». Студент духовной академии на страстной неделе возвращается с охоты домой. Наступает вечер, холодает, сиротливые поля, пустые огороды, нищета, черные избы — и дОма ждет его такая же бедность, голод, холод. Беспросветность и страдание — вечные спутники человека. По дороге он останавливается для разговора с двумя простыми женщинами. Почему-то ему вспоминается евангельский рассказ об отречении Петра от Учителя в ночь Его ареста. Ему кажется, что ничего с того времени не изменилось: ни холод, ни человеческая низость и жестокость — они вечны. Он пересказывает легенду об отречении Петра и его раскаянии — и видит слезы одной женщины, невыразимое сострадание другой. Студент прощается с ними и идет домой. И вдруг — вопреки всему — ощущает радость в своей душе. Нет, не голод, не страх, не предательство управляют человеческой жизнью, — а сострадание, милосердие, раскаяние, любовь!

Великие предшественники Чехова писали романы. Поэтому до сих пор считается, что писатель высшей квалификации — это автор романов. Или хотя бы одного. Чехов не написал ни одного романа. И даже не собирался. Его проза — это короткие рассказы, изредка повести.

Но все вместе они составляют огромный, смешной и печальный роман о жизни, о людях, о России. Художественный мир Чехова населен персонажами разных званий, сословий, характеров, охватывает и столицы, и провинциальные города, и деревню, и помещичьи усадьбы, и земские больницы, и университеты, и ремесленные мастерские. Герои Чехова — люди, ощущающие неудовлетворенность своей жизнью, чувствующие собственную слабость и нерешительность, свое несовершенство по сравнению с необъятной прекрасной землей, на которой они живут. Мелочность, бесцельность человеческого существования и величие прекрасного мира — основа того конфликта (противоречия), который заставляет страдать и томиться чеховских героев. Проза Чехова прозрачна, глубока, беспощадна в изображении мелочей жизни, пронизана тоской по смыслу жизни,

красоте и вере.

Новаторской стала и драматургия Чехова. Он нарушает сценические традиции, отказываясь от динамичного сюжета, от интриги (основного сюжетного узла, пружины действия), от открытого столкновения героев. Герои Чехова больше чувствуют и разговаривают, чем действуют. Такая драматургия потребовала нового, психологического театра, в котором большое значение приобретают сценические решения режиссера.

Творчество Чехова завершило XIX век, вобрав достижения предшествующей русской литературы. Творчество Чехова открыло XX век, создав новые возможности для изображения жизни и выражения авторского отношения к ней. Это и знаменитый «подтекст», позволяющий сказать многое немногими словами. Текст и подтекст обычно сравнивают с айсбергом: на поверхности видна лишь одна восьмая, а семь восьмых скрыты под водой; так же соотносятся текст и смысл. Это и искусство психологической детали, и музыкальность авторской интонации, и красота композиции, и убеждение, что человек безмерно сложен и не состоит из «положительных» и «отрицательных» качеств, которые можно посчитать и взвесить.

«Звонок не для вас, а для учителя!»

Здесь можно было бы поставить точку. С одной стороны, я задачу выполнил, рассказал, как мог, о самом трудном: о старых писателях и старинных книгах, написанных сто, двести и даже больше лет назад.

С другой, сто лет назад литература не закончилась. И обрывать ее жизнь на Чехове несправедливо. В чем-то литература последнего века проще, потому что понятней, в чем-то труднее, потому что усложнился ее образный язык. Для того чтобы понимать этот язык, недостаточно простого умения читать, то есть складывать буквы в слова.

Правильней было бы написать еще одну книжку о литературе, которую вы будете изучать, страшно подумать, в 11 классе. Но «тут уж начинается новая история… Это могло бы составить тему нового рассказа — но теперешний рассказ наш окончен» (Ф.М. Достоевский).

Какие важные исторические события отразила русская литература

Дохристианская история Руси. Первые русские князья. Принятие христианства (IX–X вв.)

«Повесть временных лет»

Княжеские междоусобицы (XI–XII вв.)

«Слово о полку Игореве»

Татаро-монгольское нашествие (XIII в.)

«Повесть о разорении Рязани Батыем»

Куликовская битва (1380)

«Задонщина»
«Сказание о Мамаевом побоище»

«Смутное время» (начало XVII в.)

«Повесть о смерти и погребении князя М. В. Скопина-Шуйского»
«Сказание Авраамия Палицына»

Церковный раскол (середина XVII в.)

«Житие протопопа Аввакума, написанное им самим»

Реформы Петра Первого

А. Н. Толстой. Петр Первый

Крестьянская война под руководством Емельяна Пугачева

А. С. Пушкин. Капитанская дочка

Отечественная война 1812 года

М. Ю. Лермонтов. Бородино
Л. Н. Толстой. Война и мир

Покорение Кавказа (XIX век)

М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени.
Л. Н. Толстой. Казаки. Кавказский пленник

Реформы 50-60-х гг. XIX века

И. С. Тургенев. Отцы и дети. Дым.
Л. Н. Толстой. Анна Каренина

Освобождение Болгарии русской армией (1877)

В. М. Гаршин. Четыре дня. Рядовой Иванов

Русско-японская война 1904–1905 гг.

Л. Андреев. Красный смех

Революционные события 1905–1907 гг.

А. Белый. Петербург
М. Горький. Мать. Жизнь Клима Самгина

Первая мировая война 1914–1917 гг.

А. Н. Толстой. Хождение по мукам

Февральская и октябрьская революции, гражданская война

(1917–1922)

М. А. Шолохов. Тихий Дон
М. А. Булгаков. Белая гвардия
А. А. Фадеев. Разгром
И. Бабель. Конармия

НЭП, коллективизация, индустриализация

А. П. Платонов. Чевенгур. Котлован
И. Ильф, Е. Петров. 12 стульев. Золотой теленок
М. А. Шолохов. Поднятая целина

Период репрессий (1930-50-е гг.)

А. Солженицын. Один день из жизни Ивана Денисовича
А. Рыбаков. Дети Арбата
А. Ахматова. Реквием

Великая Отечественная война

А. Твардовский. Василий Теркин
В. Гроссман. Жизнь и судьба
Ю. Бондарев. Горячий снег
В. Быков. Сотников
В. Войнович. Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина
В. Кондратьев. Сашка
В. Астафьев. Пастух и пастушка. Прокляты и убиты
Э. Веркин. Облачный полк

Чеченские кампании 90-х гг.

В. Маканин. Асам